

Джон Максвелл
Кутзее
Детство Иисуса

*У меня есть
желание
показать
какое-то кино.
Я лишь тот,
кто спускается
к экрану.*

Док. М. Кутзее

Джон Максвелл Кутзее
Детство Иисуса
Серия «Лучшее из лучшего. Книги
лауреатов мировых литературных премий»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11816741
Детство Иисуса / Дж. М. Кутзее: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83123-4

Аннотация

«Детство Иисуса» – шестнадцатый по счету роман Кутзее. Наделавший немало шума еще до выхода в свет, он всерьез озадачил критиков во всем мире. Это роман-наваждение, каждое слово которого настолько многозначно, что автор, по его признанию, предпочел бы издать его «с чистой обложкой и с чистым титулом», чтобы можно было обнаружить заглавие лишь в конце книги. Полная символов, зашифрованных смыслов, аллегорическая сказка о детстве, безусловно, заинтригует читателей.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джозеф Кутзее Детство Иисуса

J. M. Coetzee

THE CHILDHOOD OF JESUS

Copyright © J. M. Coetzee 2013.

All rights are reserved by the Proprietor throughout the world. By arrangement with Peter Lampack Agency, Inc.

© Мартынова Ш., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Ради Д. К. К.

Глава 1

Человек у ворот отправляет их к низкому просторному зданию поодаль.

– Если поспешите, – говорит он, – успеете записаться до закрытия.

Они спешат. «*Centro de Reubicación Novilla*» – гласит вывеска. Что это – *Reubicación*? Такого слова он не помнит.

В конторе просторно и пусто. И жарко – жарче даже, чем снаружи. В глубине залы – деревянная стойка, разделенная на секции матовым стеклом. Вдоль стены – ряд каталожных шкафов с ящиками, лакированного дерева.

Над одной секцией висит табличка: «*Recién Llegados*», слова выписаны по трафарету черным на картонном прямоугольнике. Служащая за стойкой, молодая женщина, встречает его улыбкой.

– Добрый день, – говорит он. – Мы – новоприбывшие. – Он медленно выговаривает слова на испанском, который он так прилежно учил. – Я ищу работу, а также пристанище. – Хватает мальчика под мышки и поднимает его, чтобы она его как следует разглядела. – Со мной ребенок.

Девушка тянется через стойку, пожимает мальчику руку.

– Здравствуйте, юноша! – говорит она. – Это ваш внук?

– Не внук, не сын, я просто за него отвечаю.

– Пристанище. – Она поглядывает в бумаги. – Здесь в Центре у нас есть свободная комната, можете пожить в ней, пока не подыщите что-нибудь лучше. Не роскошно, однако вам, может, подойдет. А насчет работы давайте разберемся утром – вы, видно, устали и, наверное, хотите отдохнуть. Вы издалека?

– Мы были в пути всю неделю. Мы прибыли из Бельстара, из лагеря. Знаете Бельстар?

– Да, еще как. Я сама из Бельстара. Вы испанский выучили там?

– У нас каждый день были уроки, полтора месяца.

– Полтора месяца? Повезло вам. Я пробыла в Бельстаре три месяца. Чуть не умерла от скуки. Только уроками испанского и выжила. У вас случайно не сеньора Пиньера преподавала?

– Нет, у нас был учитель мужчина. – Он мнется. – Можно я затрону другую тему? Моему мальчику, – он бросает взгляд на ребенка, – нездоровится. Отчасти потому что он расстроен – растерян и расстроен, и не ел как следует. Питание в лагере показалось ему странным, не понравилось. Тут есть где как следует поесть?

– Сколько ему лет?

– Пять. Столько ему дали.

– И вы говорите, он не ваш внук.

– Не внук, не сын. Мы не родственники. Вот, – он извлекает из кармана две путевые книжки, протягивает ей.

Она разглядывает документы.

– Вам это в Бельстаре выдали?

– Да. Там нам дали имена, испанские.

Она перегибается через стойку.

– Давид – красивое имя, – говорит она. – Тебе нравится твое имя, юноша?

Мальчик глядит на нее спокойно, но не отвечает. Что она видит? Тошлого, бледнолицего ребенка в шерстяном пальтишке, застегнутом до горла, серых шортах до колен, черных ботинках на шнурках, в шерстяных носках и матерчатой кепке набекрень.

– Тебе не жарко в такой одежде? Пальто не хочешь снять?

Мальчик качает головой.

Он вмешивается:

– Одежда – из Бельстара. Он сам ее выбрал из того, что у них было. Успел изрядно привыкнуть.

– Понимаю. Я спросила, потому что он, по-моему, слишком тепло одет – в такой-то день. Хотела бы сообщить: у нас здесь, в Центре, есть склад, куда люди сдают одежду, из которой их дети выросли. Открыт по утрам каждый будний день. Заходите, выбирайте. Там разнообразнее, чем в Бельстаре.

– Спасибо.

– И вот еще что: когда заполните все необходимые анкеты, сможете получить на путевую книжку деньги. Вам причитается четыреста реалов на поселенческие расходы. И мальчику тоже. По четыреста реалов каждому.

– Спасибо.

– А теперь пойдемте, я покажу вам комнату. – Склонившись, она что-то шепчет женщине за соседней стойкой – стойкой с названием «*Trabajos*». Женщина вытягивает ящик, копается в нем, качает головой.

– Легкая заминка, – говорит девушка. – Кажется, у нас нет ключа от той комнаты. Должно быть, он у администратора здания. Администратора зовут сеньора Вайсс. Идите в Корпус «С». Я вам нарисую схему. Когда найдете сеньору Вайсс, попросите ее дать вам ключ от С#55. Скажите, что вас прислала Ана из центральной конторы.

– Не проще ли будет дать нам другую комнату?

– К сожалению, свободна только С#55.

– А еда?

– Еда?

– Да. Можно ли здесь где-нибудь поесть?

– Опять же – спросите сеньору Вайсс. Она должна вам помочь.

– Спасибо. Последний вопрос: есть ли здесь какие-нибудь организации, которые занимаются соединением людей?

– Соединением людей?

– Да. Наверняка тут многие ищут родственников. Есть ли здесь организации, которые помогают семьям соединиться – семьям, друзьям, возлюбленным?

– Нет, я о таких организациях никогда не слышала.

Отчасти потому, что он устал и сбит с толку, отчасти из-за того, что карта, которую набросала девушка, оказалась невнятной, а частью оттого, что тут нет указателей, Корпус «С» и кабинет сеньоры Вайсс он находит не сразу. Дверь заперта. Он стучит. Ответа нет.

Он останавливает прохожего – крошечную женщину с острым, мышиным личиком, облаченную в шоколадного цвета форменную одежду Центра.

– Я ищу сеньору Вайсс, – говорит он.

– Она уже всё, – говорит женщина и, видя, что он не понял, уточняет: – На сегодня она всё. Приходите утром.

– Может, вы мне поможете. Мы ищем ключ от комнаты С#55.

Женщина качает головой.

– Простите, я не веду ключами.

Они возвращаются в *Centre de Reubicación*. Дверь заперта. Он стучит в стекло. Внутри – никаких признаков жизни. Он стучит еще раз.

– Пить хочу, – ноет мальчик.

– Потерпи еще немного, – говорит он. – Я поищу кран.

Девушка, Ана, появляется из-за здания.

– Вы стучали? – говорит она. И его вновь поражают ее юность, здоровье и свежесть.

– Сеньора Вайсс, кажется, ушла домой, – говорит он. – Не могли бы вы сами как-то помочь? У вас нет ли – как это называется? – *llave universal*, открыть комнату?

– *Llave maestra*. Нет такого – *llave universal*. Будь у нас *llave universal*, всем бедам конец. Нет, *llave maestra* от Корпуса «С» есть только у сеньоры Вайсс. Может, у вас есть друг и вы бы устроились на ночь у него? А утром придете и поговорите с сеньорой Вайсс.

– Друг, и мы бы устроились на ночь? Мы прибыли к этим берегам полтора месяца назад и с тех пор жили в лагерной палатке в пустыне. Откуда, вы думаете, у нас есть друзья, у которых мы бы устроились на ночь?

Ана хмурится.

– Идите к главным воротам, – приказывает она. – Ждите меня снаружи. Сейчас разберусь, что можно сделать.

Они выходят за ворота, пересекают улицу и усаживаются в тени деревьев. Мальчик пристраивает голову ему на плечо.

– Пить хочу, – жалуется он. – Когда ты найдешь кран?

– Тс-с, – говорит он. – Слушай птиц.

Они слушают странную птичью песню, чувствуют кожей странный ветер.

Появляется Ана. Он встает, машет ей. Мальчик тоже поднимается на ноги, руки жестко прижаты к бокам, большие пальцы стиснуты в кулаках.

– Принесла попить вашему сыну, – говорит она. – На, Давид, пей.

Ребенок пьет, возвращает ей чашку. Она убирает ее в сумку.

– Хорошо? – спрашивает она.

– Да.

– Хорошо. Теперь пошли со мной. Идти недалеко, но можно считать это зарядкой.

Она стремительно шагает по дорожке через парковую зону. Привлекательная девушка, спору нет, хотя такая одежда ей не к лицу: темная бесформенная юбка, белая блузка, тесная у горла, туфли на плоской подошве.

Будь он один, шел бы с ней в ногу, но с ребенком на руках – никак. Он окликает ее:

– Пожалуйста, не так быстро!

Она не обращает на него внимания. Расстояние между ними увеличивается, он спешит за ней через парк, через дорогу, еще раз через дорогу.

Она останавливается перед узким простеньким домом.

– Тут я живу, – говорит она. Отпирает входную дверь. – Идите за мной.

Она ведет их по сумрачному коридору, через боковую дверь, вниз по ветхой деревянной лестнице, в маленький двор, заросший травой и сорняками, окруженный с двух сторон деревянным забором, а с третьей – сеткой.

– Присаживайтесь, – говорит она, кивнув на ржавый кованый стул, наполовину заросший травой. – Принесу вам что-нибудь поесть.

Садиться ему не хочется. Они с мальчиком остаются у дверей.

Девушка появляется с тарелкой и кувшином. В кувшине – вода. На тарелке – четыре куска хлеба, намазанные маргарином. В точности этим они завтракали на благотворительном пункте.

– Как новоприбывшим, вам по закону полагается останавливаться в предписанных местах проживания или в Центре, – говорит она. – Но это ничего, если вы первую ночь проведете здесь. Поскольку я – работник Центра, можно доказать, что мой дом считается предписанным местом проживания.

– Вы очень добры, это очень щедро, – говорит он.

– Вон там, в углу, остались кое-какие материалы. – Показывает. – Можете соорудить себе укрытие, если хотите. Сами справитесь?

Он смотрит на нее растерянно.

– Не уверен, что правильно понял, – говорит он. – Где именно мы проведем ночь?

– Тут. – Она обводит рукой дворик. – Я вернусь чуть погодя и посмотрю, как у вас идут дела.

Строительные материалы, о которых идет речь, – полдюжина листов оцинкованного железа, местами проржавевшего насквозь: явно старая кровля. Обрезки досок. Это какое-то испытание? Она действительно предлагает ему спать с ребенком под открытым небом? Он ждет ее обещанного возвращения, но она не приходит. Он дергает дверь: заперто. Стучит – нет ответа.

Что происходит? Может, она смотрит из-за штор на его реакцию?

Они не пленники. Перебраться через сетку и уйти – проще простого. Так и поступить? Или подождать и посмотреть, что будет дальше?

Он ждет. К ее появлению солнце уже садится.

– Вы не очень-то продвинулись, – говорит она, хмурясь. – Вот. – Она вручает ему бутылку с водой, полотенце для рук, рулон туалетной бумаги; отвечая на его вопросительный взгляд, говорит: – Никто вас не увидит.

– Я передумал, – говорит он. – Мы вернемся к Центру. Должно быть какое-нибудь общественное место, где мы сможем переночевать.

– Нельзя. Ворота Центра на ночь закрываются. В шесть.

Он раздраженно шагает к куче кровельного железа, вытаскивает два листа и прислоняет их под углом к деревянному забору. Прodelывает это с третьим и четвертым листами, получается грубый навес.

– Вы это имели в виду? – говорит он, оборачиваясь к ней. Но ее уже нет.

– Тут мы будем с тобой сегодня спать, – говорит он мальчику. – Приключение!

– Есть хочу, – говорит мальчик.

– Ты не съел хлеб.

– Не люблю хлеб.

– Придется привыкнуть, потому что больше тут ничего нет. Завтра найдем что-нибудь получше.

Мальчик с недоверием берет ломоть хлеба, откусывает немножко. Ногти у него, замечает он, черны от грязи.

Гаснет последний дневной свет, и они устраиваются в укрытии: он – на травяной подстилке, мальчик – у него на согнутой руке. Вскоре мальчик засыпает, сунув большой палец в рот. К нему же сон идет медленно, постепенно. Пальто у него нет, и чуть погода холод просачивается к нему в тело – он начинает дрожать.

«Ничего страшного, просто холодно, от этого не умрешь, – говорит он себе. – Ночь пройдет, встанет солнце, наступит день. Лишь бы ползучих насекомых не было. Ползучие насекомые – это чересчур».

Он засыпает.

Просыпается спозаранку, все затекло и ноет от холода. Поднимается гнев. Зачем это бессмысленное страдание? Он выползает из-под навеса, добирается до двери, стучит – сначала осторожно, потом все громче и громче.

Наверху распаивается окно; лицо девушки едва различимо в лунном свете.

– Да? – говорит она. – Что-то не так?

– Все не так, – говорит он. – Тут холодно. Пожалуйста, впустите нас в дом.

Долгое молчание. Затем:

– Подождите, – говорит она.

Он ждет. Затем:

– Вот, – говорит ее голос.

К его ногам падает какой-то предмет: одеяло, не слишком большое, сложенное вчетверо, из какого-то грубого материала, пахнет камфарой.

– Почему вы с нами так обходитесь? – кричит он ей. – Как с грязью?

Окно хлопает в ответ.

Он заползает под навес, обертывает одеялом себя и спящего ребенка.

Его будит птичий гвалт. Мальчик все еще крепко спит, отвернувшись от него, кепка под щекой. У него вся одежда отсырела от росы. Он вновь задремывает. Открыв глаза в следующий раз, он видит над собой девушку – та смотрит на него.

– Доброе утро, – говорит она. – Я принесла вам кое-что на завтрак. Мне скоро уходить. Когда соберетесь, я вас выпущу.

– Выпустите?

– Дам вам пройти через дом. Пожалуйста, побыстрее. Не забудьте занести в дом одеяло и полотенце.

Он будит ребенка.

– Давай, – говорит он, – пора вставать. Завтракать.

Они мочатся в углу двора, бок о бок.

Завтрак – опять хлеб и вода. Ребенок презрительно отказывается от пищи; да и сам он не голоден. Он оставляет поднос на ступеньке нетронутым.

– Мы готовы, – кричит он.

Девушка выводит их через дом на пустую улицу.

– До свиданья, – говорит она. – Можете вечером прийти опять, если понадобится.

– А что же комната, которую вы обещали в Центре?

– Если ключ не найдется или комнату уже заняли, сможете переночевать здесь. До свиданья.

– Минуточку. Вы не поможете нам деньгами немного? – Так побираться ему еще не приходилось, но он не знает, к кому еще обратиться.

– Я сказала, что помогу вам, но не сказала, что дам денег. За этим вам нужно идти в контору *Asistencia Social*. Можете доехать на автобусе в город. При себе имейте путевые книжки и подтверждение проживания. Тогда сможете получить подъемные. Или же поищите работу и попросите аванс. Меня сегодня утром в Центре не будет, у меня встреча, но если придете и скажете, что ищете работу и хотите *un vale*, они поймут, о чем речь. *Un vale*. Сейчас мне уже нужно бежать.

Дорожка, по которой они с мальчиком идут через парковую зону, оказывается не той, и когда они добираются до Центра, солнце уже высоко. За стойкой «*Trabajos*» – женщина средних лет, с суровым лицом, волосы туго стянуты сзади.

– Доброе утро, – говорит он. – Мы прибыли вчера. Мы – новоприбывшие, я ищу работу. Насколько мне известно, вы можете дать мне *un vale*.

– *Vale de trabajo*, – говорит женщина. – Покажите путевую книжку.

Он сдает ей путевую книжку. Изучив, она отдает его обратно.

– Я выпишу вам *vale*, но какого рода работой вам заниматься, решайте сами.

– Не подскажете, с чего мне начать? Здесь для меня чужие края.

– Попробуйте в порту, – говорит женщина. – Им обычно не хватает работников. Садитесь на автобус 29. Отходит от главных ворот каждые полчаса.

– У меня нет денег на автобусы. У меня совсем нет денег.

– Автобус бесплатный. Все автобусы бесплатные.

– А остановиться где? Можно я затрону тему места, где остановиться? Юная дама, которая дежурила вчера, по имени Ана, забронировала для нас комнату, но мы не смогли получить к ней доступ.

– Свободных комнат нет.

- Вчера свободная комната была, С#55, но ключ не нашелся. Ключ находился у сеньоры Вайсс.
- Мне об этом ничего не известно. Приходите сегодня после обеда.
- Можно мне поговорить с сеньорой Вайсс?
- Сегодня утром у руководства совещание. Сеньора Вайсс на совещании. Она вернется после обеда.

Глава 2

Уже в автобусе 29 он разглядывает выданный ему *vale de trabajo*. Это просто листок из блокнота, на котором написано: «Податель сего – новоприбывший. Пожалуйста, рассмотрите возможность его нанять». Ни официальной печати, ни подписи, просто инициалы «Р. Х.». Смотрится очень неофициально. Хватит ли этого, чтобы получить работу?

Они выходят последними. Порт, хоть и обширен, – причалы тянутся вверх по течению сколько хватает глаз, – кажется странно заброшенным. Всего на одной пристани, похоже, происходит хоть какая-то деятельность: грузят или разгружают некий сухогруз, по трапу поднимаются и спускаются люди.

Он подходит к высокому мужчине в робе, который, судя по всему, командует работой.

– Добрый день, – говорит он. – Я ищу работу. Люди в Центре переселения сказали, что мне следует обратиться сюда. Мне с вами поговорить? У меня есть *vale*.

– Поговорить можете со мной, – говорит человек. – Но вы не староваты ли для *estibador*-а?

Estibador? Наверное, вид у него был оторопелый, поскольку человек (бригадир?) жестами показывает, что закидывает за спину груз и сгибается под его тяжестью.

– А, *estibador*! – восклицает он. – Простите, у меня нехороший испанский. Нет, совсем не староват.

Правду ли он только что услышал от себя самого? Не слишком ли он стар для тяжелой работы? Старым он себя не чувствует, просто не чувствует себя молодым. Он вообще не чувствует никакого особого возраста. Он чувствует себя безвозрастным, если такое вообще возможно.

– Попробуйте меня, – предлагает он. – Если решите, что я не гожусь, я сразу уйду, без обид.

– Хорошо, – говорит бригадир. Сминает *vale* в комок, швыряет в воду. – Можете начинать сразу. Малец с вами? Пусть побудет тут со мной, если хотите. Я за ним пригляжу. А испанский – это не беда, упражняйтесь. В один прекрасный день он будет для вас в порядке вещей, а не язык.

Он взглядывает на мальчика.

– Останешься с этим господином, пока я буду помогать носить мешки?

Мальчик кивает. Опять он сует большой палец в рот.

Ширины трапа хватает всего на одного. Он ждет, пока другой грузчик спустится с бугристым мешком. Затем взбирается на палубу, спускается по крепкой деревянной лестнице в трюм. Глаза сколько-то привыкают к полутьме. Трюм завален одинаковыми бугристыми мешками, их сотни, может, тысячи.

– Что в мешках? – спрашивает он у человека рядом.

Человек смотрит на него странно.

– *Granos*, – говорит он.

Он хочет спросить, сколько мешки весят, но времени нет. Его черед.

Наверху груды сидит здоровяк с могучими руками и широкой ухмылкой, его работа, очевидно, – сбрасывать мешки на плечи ожидающего своей очереди грузчика. Он подставляет спину, мешок опускается; он спотыкается, затем хватается за углы мешка, как, замечает он, делают другие мужчины, шагает раз, другой. Удастся ли ему и впрямь подняться по лестнице с этим грузом, как всем остальным? Найдет ли силы?

– Держись, *viejo*, – слышится голос позади него. – Не спеши.

Он ставит левую ногу на нижнюю ступеньку. Все дело в равновесии, говорит он себе, в устойчивости, в том, чтобы мешок не соскользнул, а его содержимое не сместилось.

Стоит чему-нибудь соскользнуть или сместиться, все пропало. Из грузчика превратишься в нищего, дрожащего под жестяным навесом во дворе у чужого человека.

Он заносит правую ногу. Начинает кое-что постигать о лестнице: если упереться в нее грудью, вес мешка придаст тебе устойчивости, а не опрокинет. Левая нога находит вторую ступеньку. Снизу раздается легкий всплеск аплодисментов. Он скрипит зубами. Восемнадцать ступенек (он пересчитал). Он не осрамится.

Медленно, шаг за шагом, отдыхая на каждой ступеньке, слушая бешеное сердце (а если приступ? вот неловко-то будет!), восходит он. На самом верху, покачнувшись, клонится вперед, и мешок опускается на палубу.

Он вновь поднимается на ноги, показывает на мешок.

– Кто-нибудь мне подсобит? – говорит он, пытаясь совладать с дыханием, пытаясь говорить как ни в чем не бывало. Охочие руки вскидывают мешок ему на спину.

У трапа – свои трудности: он слегка покачивается из стороны в сторону вместе с кораблем и никакой поддержки, в отличие от лестницы, не предлагает. Спускаясь, он изо всех сил держится прямо, хотя это означает, что он не может смотреть, куда ставит ноги. Он вперяет взгляд в мальчика, который стоит неподвижно, как столбик, рядом со старшим, наблюдает. «Не опозорить бы его!» – говорит он себе.

Он добирается до пристани, ни разу не споткнувшись.

– Налево! – выкрикивает бригадир. Он с трудом поворачивает. Подкатывает телега – низкая, с плоским дном, ее тянут две здоровенные лошади с мохнатыми ногами. Першероны? Он никогда не видел першерона вживую. Его обволакивает зловоние конской мочи.

Он разворачивается и бросает мешок с зерном на пол телеги. Юноша в потрепанной шапке легко вскакивает на борт и оттаскивает мешок. Одна лошадь роняет кучу дымящегося навоза.

– С дороги! – кричит голос у него за спиной. Это следующий грузчик, его товарищ по работе, со следующим мешком.

Тем же путем он идет в трюм, возвращается со второй ношей, потом с третьей. Он медленнее своих товарищей (им иногда приходится его ждать), но ненамного: он будет работать лучше, когда привыкнет, а тело укрепит. Не слишком он старый, в конце концов.

Хоть он их и задерживает, никакой неприязни от других не ощущает. Напротив: они бросают ему одно-другое слово ободрения, а то и хлопнут дружески по спине. Работа грузчика не так уж и скверна. Чего-то добиваешься во всяком случае. Во всяком случае помогаешь перетаскивать зерно – зерно, которое превратится в хлеб, хлеб насущный.

Свисток.

– Перерыв, – объясняет ему кто-то рядом. – Если хочешь, ну, сам понимаешь.

Двое мочатся за сараем, моют руки под краном.

– А можно ли где-нибудь выпить чаю? – спрашивает он. – И, может, съесть что-нибудь?

– Чаю? – говорит человек. Вроде как забавно ему. – Не слышал. Хочешь пить – возьми мою чашку, но завтра неси свою. – Он наполняет чашку водой из-под крана, подает. – И буханку принеси – или полбуханки. На пустой желудок день долог.

Перерыв длится всего десять минут, после чего разгрузочные работы возобновляются. Когда бригадир свистит в свисток в конце дня, он перетаскал из трюма на пристань тридцать один мешок. За полный день вышло бы, наверное, пятьдесят. Пятьдесят мешков в день – это более-менее две тонны. Не очень-то. Портовый кран выгрузил бы две тонны одним махом. Отчего они не задействуют кран?

– Хороший юноша, сынок твой, – говорит бригадир. – Никаких хлопот с ним. – Несомненно, бригадир называет его юношей, *un jovencito*, чтобы сделать приятно. Хороший юноша, вырастет хорошим же грузчиком.

– Если б можно было подогнать кран, – замечает он, – разгрузка заняла бы одну десятую этого времени. Даже маленьким краном.

– Можно, – соглашается бригадир. – А смысл? Зачем успевать за одну десятую времени? Никакого смысла, если не крайний случай – недостаток продовольствия, например.

Какой смысл? Вроде честный вопрос, не пощечина.

– Мы бы могли приложить силы к чему-нибудь получше, – выдвигает он предположение.

– Получше чего? Получше, чем обеспечивать собрата хлебом?

Он пожимает плечами. Держал бы рот на замке. Конечно, он не собирается сказать: *Получше, чем таскать грузы, как вьючные животные.*

– Нам с мальчиком надо спешить, – говорит он. – Нам нужно вернуться в Центр до шести, иначе придется спать под открытым небом. Мне завтра приходиться?

– Конечно-конечно. Хорошо поработал.

– А аванс получить можно?

– Боюсь, что нет. У казначея обхода не будет раньше пятницы. Но если у тебя туго с деньгами, – он роется в кармане и добывает горсть монет, – вот, возьми сколько нужно.

– Я не знаю, сколько мне нужно. Я тут новый, понятия не имею о ценах.

– Возьми все. В пятницу вернешь.

– Спасибо. Ты очень добр.

Это правда. Приглядывать за твоим *jovencito*, пока ты работаешь, а сверх того и денег одолжить – такого не ждешь от бригадира.

– Пустяки. Ты бы так же поступил. Бывай, юноша, – говорит он, глянув на мальчика. – Увидимся завтра, бодрые да ранние.

Они добираются до конторы, как раз когда женщина со строгим лицом запирает дверь. Аны не видать.

– Есть ли новости про нашу комнату? – спрашивает он. – Вы нашли ключ?

Женщина хмурится.

– Идите по дороге, первый поворот направо, увидите длинное низкое здание, называется Корпус «С». Спросите сеньору Вайсс. Она покажет вам вашу комнату. И спросите сеньору Вайсс, можно ли вам постирать вещи в прачечной.

Он понимает намек и краснеет. За неделю без мытья ребенок начал пахнуть; без сомнения, сам он пахнет и того хуже.

Он показывает ей деньги.

– Можете сказать, сколько здесь?

– Вы не умеете считать?

– В смысле, что я могу на это купить? Еды могу?

– Центр не обеспечивает питанием, только завтраками. Но поговорите с сеньорой Вайсс. Объясните ситуацию. Она, вероятно, сможет вам помочь.

С#41 – кабинет сеньоры Вайсс – заперт, как и прежде. Но в подвале под лестницей, в уголке, освещенном единственной голой лампочкой, он натывается на молодого человека в кресле, читающего журнал. Вдобавок к шоколадной форме Центра у юноши на голове крошечная круглая шапочка с тесемкой под подбородком, как у цирковой обезьянки.

– Добрый вечер, – говорит он. – Я ищу неуловимую сеньору Вайсс. Не знаете ли вы, где она? Нам выделили комнату в этом здании, у нее есть ключ – или хотя бы мастер-ключ.

Молодой человек встает, откашливается и отвечает. Ответ его вежлив, но, как выясняется, бесполезен. Если кабинет сеньоры Вайсс заперт, значит, сеньора, вероятно, ушла домой. Что до мастер-ключа, то он, если и существует, скорее всего, заперт в том же кабинете. То же и с ключом от прачечной.

– Вы можете хотя бы отвести нас к комнате С#55? – спрашивает он. – Нам выделили комнату С#55.

Не говоря ни слова, молодой человек ведет их по длинному коридору мимо комнат С#49, С#50... С#54. Они добираются до С#55. Он дергает дверь. Та не заперта.

– Конец вашим бедам, – говорит юноша и устранивается.

С#55 – маленькая, без окон и чрезвычайно просто обставлена: односпальная кровать, комод, умывальник. На комод – поднос с блюдцем, в блюдце два с половиной кусочка сахара. Он отдает сахар мальчику.

– Нам нужно тут жить? – спрашивает мальчик.

– Да, нам нужно тут жить. Это ненадолго, пока ищем что-нибудь получше.

В конце коридора он находит душевую кабинку. Мыла нет. Он раздевает ребенка, раздевается сам. Они стоят вместе под тонкой струйкой теплой воды, он, как может, отмывает их обоих. Затем, пока ребенок ждет, подставляет свое белье под тот же поток (который скоро делается прохладным, а потом и холодным), отжимает его. Вызывающе нагишом, вместе с ребенком, он шлепает по пустому коридору обратно в комнату, запирает дверь на шпингалет. Полотенце у них одно на двоих, им он вытирает мальчика.

– Иди в постель, – говорит он.

– Есть хочу, – жалуется мальчик.

– Потерпи. У нас утром будет большой завтрак, даю слово. Думай об этом. – Он подтыкает ребенку одеяло, целует перед сном.

Но ребенок не спит.

– Зачем мы здесь, Симон? – спрашивает он тихо.

– Я тебе сказал: мы здесь на одну или две ночи, пока не найдем места получше.

– Нет, в смысле, зачем мы *здесь*? – Он жестом охватывает комнату, Центр, город Новиллу, всё.

– Ты здесь, чтобы найти маму. Я здесь, чтобы тебе помочь.

– А когда мы ее найдем, зачем мы здесь?

– Я не знаю, что тебе сказать. Мы здесь потому же, почему и все остальные. Нам дали возможность жить, и мы ее не упустили. Это замечательно – жить. Это вообще самое замечательное.

– Но нам прямо надо жить здесь?

– А где еще, если не здесь? Больше нигде быть, только здесь. Ну-ка, закрывай глаза. Пора спать.

Глава 3

Он просыпается в хорошем настроении, полным сил. У них есть где жить, у него есть работа. Пора заняться главным: поиском матери мальчика.

Оставив мальчика спать дальше, он украдкой выходит из комнаты. Главная контора только что открылась. За стойкой Ана, улыбается, заведя его.

– Выспались? – спрашивает она. – Устроились?

– Спасибо, устроились. Но теперь я должен попросить вас еще об одном одолжении. Может быть, помните, я спрашивал о розыске родственников. Мне нужно найти мать Давида. Беда в том, что я не знаю, с чего начать. Вы ведете записи о прибывших в Новиллу? Если нет, имеется ли какой-нибудь сводный реестр, который можно посмотреть?

– Мы записываем всех, кто проходит через Центр. Но записи вам не помогут, если вы не знаете, кого ищете. У матери Давида – новое имя. Новая жизнь, новое имя. Она вас ожидает?

– Она никогда не слыхала обо мне, и причин меня ожидать у нее нет. Но как только ребенок ее увидит, он признает ее, не сомневаюсь.

– Как долго они были разлучены?

– Это сложная история, и я не буду вас ею обременять. Просто скажу, что я обещал Давиду найти его мать. Я дал ему слово. Можно мне посмотреть ваши записи?

– Но как это вам поможет, если вы не знаете имени?

– Вы храните копии путевых книжек. Мальчик опознает ее по фотографии. Или я опознаю. Я пойму, что это она, как только увижу.

– Вы с ней не знакомы, но узнаете ее?

– Да. Порознь или вместе, мы с ним ее узнаем. Я в этом убежден.

– А сама безымянная мать? Вы уверены, что она хочет воссоединиться с сыном? Может, бессердечно так говорить, но, прибыв сюда, большинство людей теряет интерес к старым связям.

– Тут другое дело, правда. Я не могу объяснить, почему. Так что же, можно мне посмотреть ваши записи?

Она качает головой.

– Нет, я не могу этого допустить. Располагай вы именем матери, было бы другое дело. Но я не могу позволить вам рыться в наших бумагах. Это не просто нарушение наших правил – это бессмысленно. У нас тысячи данных, сотни тысяч, больше, чем вам под силу посчитать. Кроме того, откуда вам знать, проходила ли она через Новилльский центр? В каждом городе есть центр приема.

– Я не спорю, что в этом никакого смысла. Тем не менее молю вас. Дитя без матери. Потерян. Вы же сами видели, до чего он потерян. Он между небом и землей.

– Между небом и землей. Я не понимаю, что вы имеете в виду. Ответ – «нет». Я не уступлю, и не надо на меня давить. Мне жаль мальчика, но так не годится.

Между ними повисает долгое молчание.

– Я могу заниматься этим по ночам, – говорит он. – Никто не узнает. Я буду тихо, я буду незаметно.

Но она его больше не слушает.

– Привет! – говорит она, глядя ему за плечо. – Ты только что проснулся?

Он оборачивается. В дверях, лохматый, босой, в исподнем, засунув большой палец в рот, все еще полусонный, стоит мальчик.

– Иди сюда! – говорит он. – Поздоровайся с Аной. Ана поможет нам в поисках.

Мальчик бредет к ним.

– Я вам помогу, – говорит Ана, – но не так, как вы просите. Здешние люди очистились от старых связей. Вам следует сделать то же самое: оставить все старые связи, не искать их. – Она тянется к мальчику, ерошит ему волосы. – Привет, соня! – говорит она. – Ты уже очистился? Скажи папе, что ты очистился.

Мальчик переводит взгляд с нее на него и обратно.

– Я очистился, – бормочет он.

– Вот! – говорит Ана. – О чем и речь!

Они в автобусе, едут в порт. После основательного завтрака мальчик заметно бодрее, чем вчера.

– Мы опять едем навестить Альваро? – говорит он. – Я нравлюсь Альваро. Он дает мне свистеть в свисток.

– Славно. Он сказал, что тебе можно звать его Альваро?

– Да, его так зовут. Альваро Авокадо.

– Альваро Авокадо? Ну, ты не забывай: Альваро занятой человек. Ему и без присмотра за ребенком дел хватает. Ни в коем случае не путайся у него под ногами.

– Он не занятой, – говорит мальчик. – Он просто стоит и глядит.

– Это тебе так кажется, что он стоит и глядит, а на самом деле он руководит нами, следит, чтобы корабли разгружались вовремя, чтобы все делали что положено. Это важная работа.

– Он говорит, что научит меня шахматам.

– Славно. Тебе понравятся шахматы.

– Я всегда буду с Альваро?

– Нет, скоро найдешь других мальчиков, будешь с ними играть.

– Не хочу играть с другими мальчиками. Я хочу быть с тобой и с Альваро.

– Но не все время. Не годится тебе все время быть со взрослыми.

– Не хочу, чтоб ты упал в море. Не хочу, чтоб ты утонул.

– Не волнуйся, я изо всех сил постараюсь не утонуть, честное слово. Гони такие темные мысли прочь. Пусть летят, как птицы. Ладно?

Мальчик не отвечает.

– Когда мы поедем обратно? – говорит он.

– Обратно за море? Мы обратно не поедем. Мы теперь здесь. Вот где мы живем.

– Навсегда?

– На благо. Скоро начнем искать твою маму. Ана поможет нам. А как найдем маму, у тебя больше не будет мыслей вернуться.

– Мама здесь?

– Где-то близко, ждет тебя. Давно ждет. Все прояснится, как только ты ее увидишь. Вспомнишь ее, а она – тебя. Ты, может, и думаешь, что очистился, но нет. У тебя еще есть воспоминания, они просто погребены, временно. Нам пора выходить. Наша остановка.

Мальчик дружит с одной тягловой лошастью, дает ей имя Эль Рей. Хоть он и кроха рядом с Эль Реем, почти не боится. Встав на цыпочки, протягивает пучки соломы, которые громадный зверь принимает, лениво склонив голову.

Альваро прорезает в выгруженном мешке дырку, зерно сыплется ручейком.

– Вот, покорми Эль Рея и его друга, – говорит он мальчику. – Но осторожно, много не давай, иначе у них животы надуются, как воздушные шарик, и придется протыкать их булавкой.

Эль Рей и его друг, вообще-то, кобылы, но Альваро мальчика не поправляет. Он это отмечает.

Его товарищи-грузчики вполне дружелюбны, но до странного нелюбопытны. Никто не спрашивает его, откуда он, где остановился. Он полагает, что они считают его отцом мальчика или, может, как Ана из Центра, – дедушкой. *El viejo*. Никто не спрашивает, где мать мальчика и почему он весь день болтается в порту.

На пристани есть маленький деревянный сарай, в котором работники переодеваются. На двери нет замка, но все вроде запросто складывают в сарае свои робы и ботинки. Он спрашивает у работников, где ему купить себе робу и ботинки. Ему пишут адрес на клочке бумаги.

Он спрашивает, сколько примерно может стоить пара ботинок.

– Два, может, три реала.

– Это же очень мало, – говорит он. – Да, меня зовут Симон.

– Эухенио, – говорит писавший.

– Можно спросить, Эухенио: ты женат? У тебя есть дети?

Эухенио качает головой.

– Ну, ты еще молод, – говорит он.

– Да, – уклончиво говорит Эухенио.

Он ждет, что его спросят о мальчике, – о мальчике, который с виду его сын или внук, а на самом деле нет. Ждет, что его спросят, как мальчика зовут, сколько ему лет, почему он не в школе. Зря ждет.

– Давид – мальчик, за которым я приглядываю, еще слишком мал, чтобы в школу ходить, – говорит он. – Ты не знаешь, тут где-нибудь есть школы? Тут есть, – он подбирает слово, – *un jardín para los niños*?

– В смысле игровая площадка?

– Нет, школа для маленьких детей. Школа, которая до обычной школы.

– Прости, ничем не могу помочь. – Эухенио подымается на ноги. – Пора за работу.

На следующий день, как только раздается свисток на обед, на велосипеде приезжает незнакомец. В шляпе, черном костюме и при галстукe он смотрится на пристани чужеродно. Слезает с велосипеда, приветствует Альваро как старого знакомого. Штанины у него прицеплены зажимами, которые он не заботится снять.

– Это казначей, – говорит голос рядом. Эухенио.

Казначей распускает ремни велосипедного ранца, снимает клеенку, под ней обнаруживается крашеный в зеленую краску железный денежный ящик, который он устанавливает на перевернутую бочку. Альваро подзывает людей. Один за другим они делают шаг вперед, называют свое имя и получают зарплату. Он ждет своего черед в конце.

– Звать Симоном, – говорит он казначею. – Я новенький, меня может еще не быть у вас в списках.

– Есть, вот, – говорит казначей и отмечает его имя в списке. Он пересчитывает деньги – в монетах, их столько, что они оттягивают ему карманы.

– Спасибо, – говорит он.

– Пожалуйста. Вам причитается.

Альваро откатывает бочку прочь. Казначей снова пристегивает денежный ящик к велосипеду, пожимает руку Альваро, приподнимает шляпу и уезжает с пристани.

– Что собираешься делать сегодня вечером? – спрашивает Альваро.

– Ничего не собираюсь. Может, прогуляюсь с мальчиком. Если здесь есть зоопарк, я бы сводил его туда – посмотреть на животных.

Суббота, полдень, конец рабочей недели.

– Хочешь – пойдем со мной на футбол? – спрашивает Альваро. – Твоему юноше футбол нравится?

– Он маловат еще для футбола.
– Надо же когда-нибудь начинать. Игра – в три. Встретимся у ворот, скажем, в два сорок пять.

– Хорошо, но у каких ворот, где?
– У ворот стадиона. Там одни ворота.
– А где стадион?
– Иди по тропинке вдоль реки – не пропустишь. Отсюда минут двадцать, думаю. А если пешком не хочешь – садись на автобус номер 7.

Стадион дальше, чем говорил Альваро: мальчик устает и мешкает, они опаздывают. Альваро уже у ворот, ждет их.

– Быстрее, – говорит он, – они того и гляди начнут.

Они проходят в ворота на стадион.

– Нам не надо купить билеты? – спрашивает он.

Альваро смотрит на него странно.

– Это футбол, – говорит он. – Игра. Чтобы посмотреть игру, не надо платить.

Стадион скромнее, чем он себе представлял. Поле отгорожено веревкой, крытые трибуны рассчитаны на тысячу зрителей, не более. Они без труда находят места. Игроки уже на поле, пинают мяч, разогреваются.

– Кто играет? – спрашивает он.

– «Причалы» – они в синем, а в красном – «Северные холмы». Это игра лиги. Игры чемпионата – по утрам в воскресенье. Услышишь гудок воскресным утром – значит, проходит игра чемпионата.

– Ты за какую команду болеешь?

– За «Причалы», конечно. За кого же еще?

Альваро, похоже, в хорошем настроении, возбужден, даже кипуч. Он рад за Альваро – и благодарен за то, что бригадир его выделил, предложив свою компанию. Альваро кажется ему хорошим человеком. Вообще-то все его товарищи-грузчики кажутся ему хорошими людьми – работающие, дружелюбные, любезные.

В первую же минуту матча команда в красном делает простую ошибку в защите, и «Причалы» забивают гол. Альваро скидывает руки и издает победный клич, после чего поворачивается к мальчику.

– Видал, юноша? Видал?

Юноша не видал. Ничего не понимая в футболе, юноша не ухватывает, на что ему обращать внимание – на мужчин, которые бегают по полю взад-вперед, или же на море чужих людей вокруг.

Он берет мальчика к себе на колени.

– Смотри, – говорит он и водит пальцем, – они пытаются загнать мяч в сетку. А человек вон там, в перчатках, – вратарь. Ему надо поймать мяч. По обе стороны поля есть по вратарю. Когда мяч попадает в сетку, это называется «гол». Команда в синем только что забила гол.

Мальчик кивает, но мысли его где-то бродят.

Он говорит тише:

– Тебе не надо в туалет?

– Есть хочу, – шепчет мальчик в ответ.

– Я знаю. Я тоже. Нужно к этому привыкнуть. Погляжу в перерыве, можно ли раздобыть жареной картошки или арахиса. Хочешь арахис?

Мальчик кивает.

– Когда перерыв? – спрашивает он.

– Скоро. Но сначала футболистам нужно еще поиграть и попробовать забить еще голы. Смотри.

Глава 4

Вернувшись тем вечером к себе в комнату, он находит записку, подсунутую под дверь. Записка от Аны: *«Не хотите ли вы с Давидом на пикник в честь новоприбывших? Встречаемся завтра в полдень, в парке, у фонтана. А.»*

В полдень они у фонтана. Уже жарко – даже птиц словно сморило. Они устраиваются под раскидистым деревом, вдали от шума машин. Ана появляется чуть погодя, несет корзину.

– Простите, – говорит она, – спешное дело.

– Сколько нас будет? – спрашивает он.

– Не знаю. Может, полдюжину. Посмотрим.

Они ждут. Никто не приходит.

– Похоже, только мы и будем, – говорит наконец Ана. – Начнем?

В корзине оказываются всего лишь упаковка крекеров, горшок несоленой фасолевого пасты и бутылка воды. Но ребенок уплетает свою долю, не жалуясь.

Ана зеваёт, растягивается на траве, закрывает глаза.

– Что вы имели в виду, когда сказали «очиститься»? – спрашивает он. – Вы сказали, нам с Давидом надо очиститься от старых связей.

Ана лениво качает головой.

– В другой раз, – говорит она. – Не сейчас.

По ее тону, по взгляду из-под век, брошенному на него, он чувствует некий призыв. Полдюжины гостей, которые не явились, – может, выдумка? Если б не ребенок, он бы лег рядом с ней на траву и, может, тихонько положил свою руку поверх ее.

– Нет, – бормочет она, словно читая его мысли. Хмурая тень скользит у нее по лбу. – Не это.

Не это. Что ему думать про женщину – то теплую, то холодную? Может, он не улавливает чего-то об этикете между полами или поколениями, принятом в этих новых краях?

Мальчик дергает его и показывает на почти пустую пачку крекеров. Он намазывает пасту на крекер и дает мальчику.

– У него здоровый аппетит, – говорит девушка, не открывая глаз.

– Он все время голоден.

– Не волнуйтесь, приспособится. Дети быстро приспосабливаются.

– Приспособится голодать? Зачем ему приспосабливаться голодать, если нет недостатка в провизии?

– Приспособится к умеренной диете, в смысле. Голод – как собака в животе: чем больше кормишь, тем больше она хочет. – Она резко садится и обращается к ребенку: – Я слыхала, ты ищешь маму, – говорит она. – Скучаешь по маме?

Мальчик кивает.

– А как зовут твою маму?

Мальчик бросает на него вопросительный взгляд.

– Он не знает ее имени, – говорит он. – При нем было письмо, когда он садился на судно, однако оно потерялось.

– Шнурок лопнул, – говорит мальчик.

– Письмо было в кошельке, – объясняет он, – который висел у него на шее на шнурке. Шнурок лопнул, и письмо потерялось. По всему кораблю искали. Но так и не нашли.

– Оно упало в море, – говорит мальчик. – Его рыбы съели.

Ана хмурится.

– Если ты не помнишь мамино имя, можешь сказать, как она выглядела? Можешь ее нарисовать?

Мальчик качает головой.

– Значит, твоя мама потерялась, и ты не знаешь, где ее искать. – Ана умолкает, осмысливает. – Как бы ты отнесся, если бы твой *padrino* стал подыскивать тебе другую маму, чтобы она тебя любила и заботилась о тебе?

– Что такое *padrino*? – спрашивает мальчик.

– Вы всё пытаетесь присвоить мне роли, – встречается он. – Я не отец Давиду и не *padrino*. Я просто помогаю ему встретиться с матерью.

Она не обращает внимания на его отповедь.

– Если вы найдете себе жену, – говорит она, – эта женщина могла бы стать ему матерью.

Он хохочет.

– Какая женщина захочет выйти замуж за такого мужчину, как я, – чужака, у которого нет за душой даже смены одежды? – Он ожидает, что девушка заспорит, но нет. – Кроме того, даже если бы я нашел себе жену, откуда знать, что она захочет, знаете, приемного ребенка? И примет ли ее наш юный друг?

– Никогда не знаешь. Дети приспосабливаются.

– Да что вы заладили! – В нем вспыхивает гнев. Что эта самоуверенная девушка знает о детях? И по какому праву она ему проповедует? И тут части картинки сходятся. Неказистая одежда, обескураживающая суровость, разговоры о заступниках... – Вы не монахиня часом, Ана? – спрашивает он.

Она улыбается.

– С чего вы взяли?

– Вы из тех, кто покинул монастырь и живут в миру? Выполняют работу, за которую больше никто не хочет браться, – в тюрьмах, приютах, лечебницах? В центрах приема беженцев?

– Какая нелепость. Конечно, нет. Центр – не тюрьма. И не благотворительное заведение. Это часть социальной программы.

– Пусть так, но как можно терпеть нескончаемый поток людей вроде нас – беспомощных, невежественных, нуждающихся, без какой-нибудь веры, что придает сил?

– Веры? Вера здесь вообще ни при чем. Вера бывает в то, что делаешь, даже если это не приносит видимых плодов. Центр не таков. Прибывающим людям нужна помощь, и мы им помогаем. Мы помогаем, и жизнь их улучшается. Это все видно. Ничто здесь не требует слепой веры. Мы делаем свою работу, и все устраивается хорошо. Проще некуда.

– Нет ничего незримого?

– Нет ничего незримого. Две недели назад вы были в Бельстаре. На прошлой неделе вы нашли работу в порту. Сегодня у вас пикник в парке. Что тут незримого? Это улучшение, наблюдаемое улучшение. В общем, отвечая на ваш вопрос: нет, я не монахиня.

– Тогда откуда этот аскетизм, который вы проповедуете? Вы велите нам усмирить голод, уморить собаку внутри. С чего? Что плохого в голоде? Аппетит дан для того, чтобы сообщать нам о наших нуждах, разве нет? Не будь у нас аппетита, не будь желаний, как бы мы жили?

Ему этот вопрос кажется хорошим, серьезным – вышколенная молодая монахиня теперь попалась бы.

Ответ ей дается легко – так легко и таким тихим голосом, словно не предназначается ребенку, что он сначала не понимает:

– И куда же, в вашем случае, ведут вас желания?

– Мои желания? Можно, я буду откровенен?

– Можете.

– При всем уважении к вашему гостеприимству, они ведут меня к чему-то большему, чем крекеры и протертая фасоль. Они ведут, например, к бифштексу с картофельным пюре и подливой. И, я уверен, этот юноша, – дотянувшись, он хватается ребенка за руку, – чувствует то же самое. Правда?

Мальчик энергично кивает.

– Бифштекс, истекающий мясным соком, – продолжает он. – Знаете, что меня больше всего удивляет в этой стране? – В голосе его появляется безрассудство, мудрее было бы остановиться, но нет. – Она такая бескровная. Все, с кем ни знакомлюсь, такие приличные, милые, благонамеренные. Никто не сквернословит, не гневается. Никто не напивается. Никто не повышает голос. Вы живете на диете из хлеба, воды и протертой фасоли и говорите, что сыты. Как такое может быть, говоря по-человечески? Вы врете – даже себе самой?

Обняв колени, девушка смотрит на него безмолвно, ждет окончания тирады.

– Мы голодны, этот ребенок и я. – Он с силой притягивает к себе мальчика. – Мы все время голодны. Вы говорите мне, что голод – диковина, которую мы привезли с собой, ей здесь не место, и нам предстоит морить себя до полного смирения. Когда изничтожим голод, говорите вы, мы докажем, что можем приспособливаться, и после этого будет нам счастье на веки вечные. Но я не хочу морить собаку голода! Я хочу ее кормить! Согласен? – Он трясет мальчика. Мальчик зарывается ему под мышку, улыбается, кивает. – Ты согласен, мой мальчик?

Нисходит молчание.

– Вы и впрямь гневаетесь, – говорит Ана.

– Я не гневаюсь, я голодаю! Скажите мне: что плохого в утолении обычного аппетита? Почему простые порывы, голод и желания нужно усмирять?

– Вы уверены, что хотите продолжать в том же духе при ребенке?

– Мне не стыдно за свои слова. Нет в них такого, от чего нужно оградить ребенка. Если ребенку можно спать под открытым небом на голой земле, ему тем более можно слушать прямой взрослый разговор.

– Хорошо, я вам устрою прямой разговор в ответ. То, чего вы от меня хотите, я не делаю.

Он смотрит на нее растерянно.

– Чего я от вас хочу?

– Да. Вы хотите, чтобы я дала вам себя обнять. Мы оба знаем, что это значит, – *обнять*. А я такого не допускаю.

– Я о том, чтоб вас обнять, ничего не говорил. Но что плохого в объятиях, если вы не монахиня?

– Отказ от желаний не имеет ничего общего с тем, монахиня я или нет. Просто я так не делаю. Не допускаю. Мне не нравится. У меня нет на это аппетита. На это само по себе у меня нет аппетита, и я не желаю видеть, что он делает с людьми. Что он делает с мужчиной.

– В каком смысле – *что он делает с мужчиной*?

Она многозначительно смотрит на ребенка.

– Вы уверены, что хотите продолжения разговора?

– Продолжайте. Никогда не рано познавать жизнь.

– Прекрасно. Вы считаете меня привлекательной – я это вижу. Вероятно, вы считаете меня даже красивой. И поскольку вы считаете меня красивой, ваш аппетит, ваш порыв – обнять меня. Я правильно считываю знаки, которые вы мне подаете? Если б вы не считали меня красивой, вы бы такого порыва не ощутили.

Он молчит.

– Чем красивее вы меня считаете, тем острее ваш аппетит. Вот как устроены эти ваши аппетиты, которые вы назначили себе путеводной звездой и слепо за ними идете. Теперь

задумайтесь. Что, скажите на милость, общего между красотой и объятием, которому вы хотите меня подвергнуть? Какова связь между первым и вторым? Объясните.

Он молчит, даже более того. Он потрясен.

– Ну же. Вы сказали, пусть подопечный слушает. Вы сказали, что хотите, чтобы он познал жизнь.

– Между мужчиной и женщиной, – говорит он наконец, – иногда возникает естественное влечение, непредвиденное, непреднамеренное. Двое считают друг друга привлекательными или даже, иными словами, красивыми. Женщина обычно красивее мужчины. Почему одно должно следовать из другого, притяжение и желание обнять – из красоты, – загадка, которую я не могу объяснить, а могу лишь сказать, что притяжение к женщине – единственный способ воздать должное женской красоте, который известен мне, моему физическому естеству. Я называю это должным, потому что ощущаю это как подношение, а не как оскорбление.

Он умолкает.

– Продолжайте, – говорит она.

– Это все, что я хочу сказать.

– Это все. И как воздание должного – как подношение, а не оскорбление – вы хотите крепко меня схватить и запихнуть часть своего тела в меня. Воздавая должное, как вы говорите. Я растеряна. Для меня все это дело видится нелепым: вам – нелепым делать, а мне – нелепым допускать.

– Кажется нелепым, только если вот так это сказать. Само по себе оно не бессмысленно. Оно не может быть бессмысленным, поскольку это природное желание природного тела. Это природа говорит в нас. Так все устроено. То, как все устроено, не может быть абсурдным.

– Правда? А если я скажу, что, на мой взгляд, это не просто абсурдно, а еще и уродливо?

Он изумленно качает головой.

– Вы не можете так считать. Я#го, может, стар и непривлекателен – я и мои желания. Но вы наверняка не считаете, что природа сама по себе уродлива?

– Считаю. Природа может иметь красивые черты, а может – и уродливые. Те части наших тел, которые вы скромно не называете в присутствии подопечного, – вы считаете их красивыми?

– Сами по себе? Нет, сами по себе они не красивые. Целое красиво, не его части.

– И вот эти части, которые не красивы, – их вы хотите запихнуть в меня! Как мне это воспринимать?

– Не знаю. Скажите, что сами думаете.

– Все ваши милые разговоры о воздании должного красоте – *una tontería*. Если б вы сочли меня воплощением добродетели, вы бы не пожелали совершить надо мной подобное действие. Так с чего желать его, если я – воплощение красоты? Красота низменнее добродетели? Объясните.

– *Una tontería* – это что?

– Чепуха. Чушь.

Он встает на ноги.

– Я не собираюсь больше оправдываться, Ана. Это обсуждение не видится мне плодотворным. Мне кажется, вы не знаете, о чем говорите.

– Правда? Вы думаете, я невежественный ребенок?

– Вы, может, и не ребенок, да, но я думаю, что вы невежественны в жизни. Идем, – говорит он мальчику, беря его за руку. – Пикник окончен, пора поблагодарить даму и пойти поискать себе еду.

Ана откидывается, вытягивает ноги, складывает руки на коленях и насмешливо улыбается.

– Задела за живое, верно? – говорит она.

Он шагает через пустой парк под палящим солнцем, мальчик трусцой спешит за ним.

– Что такое *padrino*? – спрашивает мальчик.

– *Padrino* – это человек, который вместо отца, если по каким-то причинам твоего отца рядом нет.

– Ты мой *padrino*?

– Нет. Никто не приглашал меня к тебе в *padrino*. Я просто друг.

– Я могу пригласить тебя быть моим *padrino*.

– Это не тебе делать, мой мальчик. Ты не можешь сам выбрать себе *padrino* – так же, как и отца. Нет подходящего слова, которым можно назвать меня по отношению к тебе – и нет слова, чтобы назвать тебя по отношению ко мне. Но, если хочешь, можешь звать меня Дядей. Когда люди спрашивают, *кто он тебе?* – можешь сказать: *Он мой дядя. Он мой дядя и меня любит. А я буду говорить: Это мой мальчик.*

– А та дама будет мне мамой?

– Ана? Нет. Ей неинтересно быть мамой.

– Ты на ней женишься?

– Конечно, нет. Я здесь не жену ищу, а помогаю тебе найти твою маму, настоящую маму.

Он старается говорить ровно, легким тоном, но правда в том, что девушка вывела его из себя.

– Ты на нее сердился, – говорит мальчик. – Почему ты сердился?

Он замирает, берет мальчика на руки, целует в лоб.

– Прости, что я сердился. Я сердился не на тебя.

– Но ты сердился на даму, а она сердилась на тебя.

– Я сердился на нее, потому что она плохо с нами обращается, и я не понимаю почему. Мы с ней повздорили, крепко повздорили. Но теперь все. И то было не важно.

– Она сказала, что ты хотел в нее что-то запихнуть. – Он молчит. – В каком смысле? Ты правда хочешь что-то в нее запихнуть?

– Это так говорится. Она имела в виду, что я хочу навязать ей свои мысли. И она права. Нельзя навязывать свои мысли другим.

– Я навязываю тебе свои мысли?

– Нет, конечно. А теперь давай найдем какой-нибудь еды.

Они прочесывают улицы к востоку от парковой зоны, ищут хоть какое-нибудь место, где поесть. Это район скромных вилл, там и сям – невысокие многоквартирные дома. Они набредают на единственный в округе магазин. Вывеска гласит: «*NARANJAS*» – большими буквами. Уличные ставни закрыты, и ему не видно, действительно ли внутри продают апельсины или Наранхас – просто фамилия.

Он останавливает прохожего, пожилого мужчину, выгуливающего собаку на поводке.

– Простите, – говорит он, – мы с мальчиком ищем кафе или ресторан, где можно поесть, или хотя бы продуктовый магазин.

– В воскресенье вечером? – говорит мужчина. Собака обнюхивает ботинки мальчика, потом промежность. – Я не знаю, что посоветовать, – если только вы не готовы ехать в город.

– Туда есть автобус?

– Номер 42, но он по воскресеньям не ходит.

– То есть мы, на самом деле, не можем поехать в город. И в округе негде поесть. И все магазины закрыты. Что бы вы нам в таком случае посоветовали?

Лицо у мужчины суровое. Он дергает собаку за поводок.

– Пошли, Бруно, – говорит он.

Он отправляется обратно к Центру в скверном настроении. Двигаются они медленно, поскольку мальчик мешкает и скачет, стараясь не наступать на трещины в мостовой.

– Пойдем скорее, – говорит он раздраженно. – В другой день поиграешь.

– Нет. Я не хочу провалиться в трещину.

– Чепуха. Как такой большой мальчик может провалиться в такую маленькую трещину?

– Не в эту. В другую трещину.

– В которую? Покажи мне ее.

– Я не знаю! Я не знаю, в какую. Никто не знает.

– Никто не знает, потому что никто не может провалиться в трещину в мостовой. Давай быстрее.

– Я могу! Ты можешь! Любой может! Ты не понимаешь!

Глава 5

Назавтра во время дневного перерыва он отводит Альваро в сторону.

– Прости, что я с личным делом, – говорит он, – но я все больше тревожусь за здоровье мальчика, особенно за его питание, которое, как ты видишь, состоит из хлеба, хлеба и еще раз хлеба.

И, конечно, они оба видят, как мальчик, сидя среди грузчиков с подветренной стороны сарая, уныло жует половину буханки, смоченную водой.

– Мне кажется, – продолжает он, – что растущему ребенку нужно большее разнообразие, больше питательности. На одном хлебе не жизнь. Это не универсальная еда. Ты не знаешь, где можно купить мяса, не катаясь в центр города?

Альваро чешет голову.

– Тут в округе, у порта, нигде. Есть люди, я слышал, которые ловят крыс. В крысах недостатка нет. Но для этого нужна ловушка, а я вот так с ходу не скажу, где можно добыть годную крысиную ловушку. Похоже, тебе придется ее сделать самому. Можно из проволоки, с каким-нибудь спусковым механизмом.

– Крысы?

– Да. Разве не видал их? Где есть корабли, там есть и крысы.

– Но кто же ест крыс? Ты ешь?

– Нет, даже и не мечтаю. Но ты спросил, где взять мясо, а это все, что я могу предложить.

Он долго смотрит Альваро в глаза. Не находит в них шуток. Или же, если это шутка, она очень глубоко.

После работы они с мальчиком отправляются напрямик к загадочному Наранхасу. Они приходят, как раз когда хозяин собирается опустить ставню. «Наранхас» – и впрямь магазин, как выясняется, и там действительно продаются апельсины, а также другие фрукты и овощи. Пока хозяин нетерпеливо ждет их, он набирает столько, сколько могут унести: небольшой пакет апельсинов, полдюжину яблок, морковь и огурцы.

Вернувшись в комнату в Центре, он режет мальчику яблоко, чистит апельсин. Пока мальчик ест, он режет морковь и огурец на тонкие кружочки и выкладывает их на тарелку.

– Вот! – говорит он.

Мальчик с подозрением тыкает в огурец, нюхает его.

– Мне не нравится, – говорит он. – Это воняет.

– Чепуха. Огурец ничем не пахнет вообще. Зеленое – это кожура. Попробуй. Тебе полезно. Вырастешь от этого. – Он съедает половинку огурца, целую морковь и апельсин.

На следующее утро он вновь навещает «Наранхас» и покупает еще фруктов – бананов, груш, абрикосов, приносит их в комнату. Теперь у них порядочный запас.

Он опаздывает на работу, но Альваро ничего не говорит.

Несмотря на желанные добавки к питанию, ощущение телесного истощения их не покидает. Ежедневно поднимая и перетаскивая тяжести, он не укрепляет свои силы, а опустошается. Он начинает себя чувствовать почти бесплотным духом, боится потерять сознание на глазах у товарищей и опозориться.

Он вновь заговаривает с Альваро.

– Мне нездоровится, – говорит он. – Уже сколько-то времени. Не посоветуешь ли врача?

– На Седьмом причале есть медпункт, он открыт по вечерам. Иди туда сейчас же. Скажешь, что здесь работаешь, тогда не придется платить.

Он следует указателям на Седьмой причал и там и впрямь обнаруживает медпункт с простым названием «*Clínica*». Дверь открыта, за стойкой никого. Он жмет на звонок, но тот не работает.

– Эй! – кричит он. – Кто-нибудь есть?

Тишина.

Он заходит за стойку и стучит в закрытую дверь с табличкой «*Cirurgia*».

– Эй! – кричит он.

Дверь открывается, и перед ним возникает крупный, краснолицый мужчина в белом халате, на воротнике у него жирное пятно чего-то похожего на шоколад. Человек обильно потеет.

– Добрый день, – говорит он. – Вы врач?

– Заходите, – говорит человек. Указывает на стул, снимает очки, тщательно вытирает стекла салфеткой. – Вы работаете в порту?

– На Втором причале.

– А, на Втором причале. Чем могу помочь?

– Последние неделю-две мне нездоровится. Никаких особых симптомов, я просто быстро устаю, время от времени у меня кружится голова. Думаю, это из-за диеты, недостатка питания.

– Когда у вас обычно кружится голова? В какое-нибудь определенное время суток?

– Нет. Это случается, когда я устал. Я работаю грузчиком, грузу, как я вам уже сообщал. Я к такой работе не привык. В течение дня мне нужно много раз проходить по трапу. Иногда, глядя вниз, в зазор между причалом и бортом судна, на волны, что плещут о стенку, я чувствую головокружение. Чувствую, что поскользнусь, упаду и, может, ударюсь головой и утону.

– На недоедание не похоже.

– Может, и нет. Но если бы я питался лучше, мне было бы легче перебарывать головокружение.

– У вас раньше случались такие страхи – страхи падения и утопления?

– Это не психологическое, доктор. Я рабочий. Я выполняю тяжелую работу. Я перетаскиваю тяжести по многу часов. У меня сердце колотится. Я постоянно на пределе сил. Вполне естественно, что мое тело иногда того и гляди откажет, подведет меня.

– Конечно, это естественно. Но если это естественно, зачем вы пришли в медпункт? Чего вы от меня ожидаете?

– Вы не хотите послушать мое сердце? Вам не кажется, что стоит сделать анализ на анемию? Вы не считаете, что нам стоит обсудить возможные недостатки моего питания?

– Я проверю ваше сердце, как вы предлагаете, но я не могу сделать вам анализ на анемию. Это не медицинская лаборатория, а просто медпункт первой помощи для портовых рабочих. Снимайте рубашку.

Он снимает рубашку. Врач прикладывает стетоскоп к его груди, уставляет взгляд в потолок, слушает. Из рта у него пахнет чесноком.

– С сердцем у вас все в порядке, – говорит он наконец. – Хорошее сердце. Много лет вам прослужит. Можете возвращаться к работе.

Он встает.

– Как вы можете такое говорить? Я изможден. Я сам не свой. Мое общее самочувствие ухудшается с каждым днем. Не этого я ожидал, когда прибыл сюда. Болезнь, утомление, несчастье – ничего этого я не ожидал. У меня предощущение – не просто умственные, а настоящие телесные предощущения, – что я того и гляди рухну. Тело сообщает мне всеми возможными способами, что оно отказывает. Как вы можете говорить, что со мной все в порядке?

Молчание. Врач прилежно складывает стетоскоп в черный футляр и убирает его в ящик. Укладывает локти на стол, сплетает пальцы, укладывает подбородок на руки, говорит.

– Милостивый государь, – говорит он, – я уверен, что вы пришли в этот маленький медпункт, чтобы пережить чудо. Если вы надеялись на чудо, вам следовало бы отправиться в полноценную больницу с полноценной лабораторией. Я же могу предложить вам лишь совет. Мой совет прост: не смотрите вниз. У вас припадки головокружения, потому что вы смотрите вниз. Головокружение – это психологическое, а не медицинское. Взгляд вниз – вот что порождает припадок.

– Это все, что вы предлагаете? Не смотреть вниз?

– Да, это все – если у вас нет симптомов объективного свойства, в которые вы готовы меня посвятить.

– Нет, таких симптомов нет. Совсем нет.

– Как все прошло? – спрашивает Альваро, когда он возвращается. – Нашел медпункт?

– Я нашел медпункт и поговорил с врачом. Он говорит, что надо смотреть вверх. Пока смотрю вверх – все со мной будет хорошо. А если гляну вниз – могу упасть.

– Вроде хороший, здравый совет, – говорит Альваро. – Ничего заумного. Давай-ка ты возьмишь отгул на остаток дня и немного отдохнешь?

Несмотря на свежие фрукты, купленные в «Наранхасе», несмотря на уверения врача, что сердце у него здоровое и никаких поводов думать, что он не проживет еще много лет, нет, он продолжает чувствовать себя изможденным. Да и головокружение не проходит. Хоть он и слушается совета врача не смотреть вниз, когда идет по трапу, он не может отключиться от угрожающего шума волн, бьющих в промасленную пристань.

– Это просто головокружение, – убеждает его Альваро, похлопывая по спине. – Не обращай внимания, скоро пройдет.

Но у него нет этой уверенности. То, что его угнетает, не пройдет – так ему кажется.

– Как бы то ни было, – говорит Альваро, – если случайно поскользнешься и упадешь, ты не утонешь. Кто-нибудь тебя спасет. Я спасу. Зачем еще человеку товарищи?

– Ты спрыгнешь и спасешь меня?

– Если потребуется. Или веревку тебе брошу.

– Да, веревка-то целесообразней будет.

Альваро не обращает внимания на ехидство этого замечания – или, может, не улавливает.

– Практичнее, – говорит он.

– Мы всегда выгружаем одно и то же – пшеницу? – спрашивает он у Альваро при другой okazji.

– Пшеницу и рожь, – отвечает Альваро.

– И это все, что мы импортируем через порт, – зерно?

– Зависит от того, что ты понимаешь под *мы*. Второй причал – грузы зерна. Работай ты на Седьмом причале, разгружал бы смешанные грузы. На Девятом – сталь и цемент. Ты не гулял по порту? Не изучал?

– Изучал. Но другие причалы постоянно пустуют. Как и сейчас.

– Ну, это разумно, правда? Тебе же не нужен каждый день новый велосипед. Новая обувь каждый день не нужна, новая одежда. А вот питаться необходимо каждый день. Вот нам и надо много зерна.

– И поэтому, если я переведусь на Седьмой или Девятый причал, мне будет легче. Я целыми неделями смогу отдыхать.

– Так точно. Если б ты работал на Седьмом или Девятом, тебе было бы легче. Но тогда у тебя была бы неполная ставка. Так что в итоге на Втором лучше.

– Ясно. Так что все к лучшему в итоге, что я здесь, на этом причале, в этом порту, в этом городе, в этом краю. Все к лучшему в этом лучшем из возможных миров.

Альваро хмурится.

– Это не возможный мир, – говорит он, – а единственный. Лучший он в таком случае или нет, решать не тебе и не мне.

Ему на ум приходит несколько разных ответов, но он воздерживается их произносить. Может, в этом мире, который единственный, благоразумнее оставить иронию в прошлом.

Глава 6

Как и обещал, Альваро берется учить мальчика шахматам. Когда работы немного, видно, как они увлеченно играют в теньке, склоняясь над карманным набором шахмат.

– Он меня только что обыграл, – отчитывается Альваро. – Всего две недели – и он уже лучше меня.

Эухенио, главный книгочей среди грузчиков, бросает мальчику вызов.

– Сыграем на скорость, – говорит он. – У каждого по пять секунд на ход. Раз-два-три-четыре-пять.

Взятые в кольцо зрителей, они играют на скорость. В считанные минуты мальчик загоняет Эухенио в угол. Эухенио толкает своего короля, и тот валится на бок.

– Теперь дважды подумаю, прежде чем с тобой играть, – говорит он. – В тебе настоящий дьявол.

Вечером в автобусе по дороге домой он пытается обсудить игру и странное замечание Эухенио, но мальчик неразговорчив.

– Хочешь, куплю тебе шахматы? – предлагает он. – Сможешь упражняться дома.

Мальчик качает головой.

– Я не хочу упражняться. Мне не нравятся шахматы.

– Но у тебя же так хорошо получается.

Мальчик пожимает плечами.

– Если кто-то благословлен талантом, не прятать этот талант – долг, – настаивает он упрямо.

– Почему?

– Почему? Потому что мир делается лучше, мне кажется, если все мы в чем-то преуспеваем.

Мальчик угрюмо смотрит в окно.

– Ты огорчился из-за того, что сказал Эухенио? Не стоит. Он не вправду.

– Я не огорчился. Просто не люблю шахматы.

– Ну, Альваро огорчится.

На следующий день в порту появляется чужак. Он мал и сухопар, кожа выжжена до темно-каштанового оттенка, глаза глубоко посажены, нос крючком, как клюв у ястреба. На нем линялые джинсы, запачканные машинным маслом, исцарапанные кожаные ботинки.

Он извлекает из нагрудного кармана бумажку, вручает ее Альваро, а затем, не проронив ни слова, стоит и пялится вдаль.

– Так, – говорит Альваро. – Мы разгружаемся сегодня до вечера и почти весь день завтра. Если готов – подключайся.

Из того же нагрудного кармана незнакомец достает пачку сигарет. Не предложив никому, прикуривает и глубоко затягивается.

– Не забывай, – говорит Альваро, – в трюме – не курить.

Человек никак не обозначает, что услышал. Спокойно озирается по сторонам. Дым от сигареты поднимается в неподвижный воздух.

Альваро сообщает нам всем его имя – Дага. Никто не зовет его никак иначе – ни «новым человеком», ни «новым парнем».

Несмотря на свою шуплость, Дага силен. Он и на миллиметр не кренится, когда ему на плечи опускают первый мешок, поднимается по лестнице быстро и уверенно, легким шагом преодолевает трап и забрасывает мешок в телегу без всякого видимого усилия. Но затем уходит в тень сарая, присаживается на корточки и прикуривает еще одну сигарету.

Альваро шагает к нему.

- Никаких перекуров, Дага, – говорит он. – Берись за дело.
- Какая тут норма? – говорит Дага.
- Нету нормы. Нам всем платят подневно.
- Пятьдесят мешков в день, – говорит Дага.
- Мы носим больше.
- Сколько?
- Больше пятидесяти. Нормы нет. Каждый несет, сколько может.
- Пятьдесят. Не больше.
- Вставай. Хочешь курить – жди перерыва.

Обстановка накаляется в полдень пятницы, при расчете. Когда Дага подходит к доске, служащей столом, Альваро склоняется к казначею и шепчет что-то ему на ухо. Казначей кивает. Выкладывает деньги Даги на доску перед собой.

- Что это? – говорит Дага.
- Твоя плата за отработанные дни, – говорит Альваро.
- Дага подбирает монеты и быстро, презрительно швыряет их казначею в лицо.
- Это за что? – говорит Альваро.
- Крысиная плата.

– Такова ставка. Столько ты заработал. Столько мы все зарабатываем. Хочешь сказать, мы все крысы?

Люди толпятся рядом. Казначей украдкой складывает бумаги и закрывает крышку денежного ящика.

Он, Симон, чувствует, как мальчик вцепляется ему в ногу.

– Что они делают? – ноет он. Лицо у него бледное и встревоженное. – Они будут драться?

– Нет, конечно, нет.

– Скажи Альваро, чтоб не дрался. Скажи! – Мальчик дергает его за пальцы, дергает и дергает.

– Давай уйдем, – говорит он. Он тянет мальчика к волнолому. – Смотри! Видишь тюленей? Большой, который задрал голову, – это самец. А другие, поменьше, – его жены.

Из толпы доносится резкий вскрик. Лихорадочное движение.

– Они дерутся! – ноет мальчик. – Я не хочу, чтобы они дрались!

Люди стоят полуколыцлом вокруг Даги, тот пригибается, на губах – тень улыбки, одна рука вытянута вперед. В ней блестит нож.

– Ну! – говорит он и подзывает к себе ножом. – Кто следующий?

Альваро сидит на корточках на земле. Кажется, держится за грудь. На рубашке – кровавый потек.

– Кто следующий? – повторяет Дага. Никто не шевелится. Он выпрямляется, складывает нож, сует его в набедренный карман, поднимает денежный ящик, переворачивает его над доской. Монеты рассыпаются во все стороны. – Ссыкло! – говорит он. Отсчитывает, сколько хочет, насмешливо пинает бочку. – Налетай, – говорит он и поворачивается спиной ко всем. Не спеша усаживается на велосипед казначея и уезжает.

Альваро подымается на ноги. Кровь на рубашке – из руки, сочится из пореза на ладони.

Он, Симон, – старший мужчина, хотя бы по возрасту, ему и руководить.

– Тебе нужен врач, – говорит он Альваро. – Пойдем. – Он машет мальчику. – Давай отведем Альваро к врачу.

Мальчик не шевелится.

– Что такое?

Губы у мальчика размыкаются, но не слышно ни слова. Он склоняется поближе.

– Что такое? – спрашивает.

– Альваро умрет? – шепчет мальчик. Все его тело напряжено. Он дрожит.

– Конечно, нет. Он порезал руку, вот и все. Ее нужно перевязать, чтобы кровь перестала. Пошли. Отведем его к врачу, и врач его вылечит.

Альваро уже идет, с ним – один работник.

– Он дрался, – говорит мальчик. – Он дрался, и теперь врач отрежет ему руку.

– Чепуха. Врачи не отрезают руки. Врач промоет царапину и наложит бинт или, может, зашьет иглой с ниткой. Завтра Альваро будет на работе, и мы все об этом забудем. – Мальчик пронзительно смотрит на него. – Я не вру, – говорит он. – Я бы не стал тебе врать. Рана у Альваро не серьезная. Тот человек, сеньор Дага или как там его, не хотел его ранить. Это случайность. Нож соскользнул. Острые ножи опасны. Это урок, надо запомнить: не играй с ножами. Если играть с ножами, можно пораниться. Альваро поранился, к счастью, не серьезно. А сеньор Дага уехал, забрал свои деньги и уехал. Он не вернется. Ему тут не место, и он это понимает.

– Ты должен не драться, – говорит мальчик.

– Я и не буду, слово даю.

– Ты должен никогда не драться.

– Нет у меня привычки драться. И Альваро тоже не дрался. Он просто пытался защититься. Он пытался защититься и порезался. – Он вытягивает руку, чтобы показать, как Альваро пытался защититься, как Альваро получил порез.

– Альваро дрался, – говорит мальчик, произнося эти слова с торжественной категоричностью.

– Защищаться – это не драться. Защищаться – природный инстинкт. Если кто-то пытается тебя ударить, ты защищаешься. Не задумываясь даже. Смотри.

За все время, которое они провели вместе, он мальчика и пальцем не тронул. И тут внезапно он угрожающе вскидывает руку. Мальчик даже не моргает. Он делает вид, что бьет его по щеке. Тот даже не морщится.

– Ладно, – говорит он. – Верю тебе. – Рука его опускается. – Ты прав, а я нет. Альваро не стоило защищаться. Надо ему было как ты. Надо ему быть смелым. Давай теперь пойдем к медпункту и посмотрим, как у Альваро дела?

На следующий день Альваро возвращается к работе, раненая рука – на перевязи. Он отказывается обсуждать происшествие. Беря с него пример, остальные тоже не говорят об этом. Но мальчик все не успокаивается.

– Сеньор Дага привезет велосипед обратно? – спрашивает он. – Почему его зовут сеньор Дага?

– Нет, он не вернется, – отвечает он. – Мы ему не нравимся, ему не нравится такая работа, как у нас, и ему незачем возвращаться. Я не знаю, настоящее ли имя Дага. Это не имеет значения. Имена не имеют значения. Хочет именоваться Дагой – пусть.

– Но почему он украл деньги?

– Он не *крал* деньги. Он не *крал* велосипед. Красть означает брать то, что тебе не принадлежит, когда никто не смотрит. Мы все смотрели, когда он брал деньги. Мы могли его остановить, но не стали. Мы решили не драться с ним. Мы решили отпустить его. Ты такое наверняка одобряешь. Ты же сам говорил, что нам нельзя драться.

– Тот человек должен был дать ему больше денег.

– Казначей? Казначей должен был дать ему столько, сколько Дага захотел бы?

Мальчик кивает.

– Он так не мог бы сделать. Если бы казначей платил нам всем, сколько мы хотим, у него бы кончились деньги.

– Почему?

– Почему? Потому что мы все хотим больше, чем нам причитается. Такова человеческая природа. Потому что мы все хотим больше, чем заслуживаем.

– Что такое человеческая природа?

– Это значит то, как устроены люди, – ты, я, Альваро, сеньор Дага и все остальные. Какие мы есть, когда приходим в мир. То, что у нас есть общего. Нам нравится думать, что мы особенные, мой мальчик, каждый из нас. Но, говоря строго, такого не может быть. Если бы мы все были особенные, не осталось бы ничего особенного. Но мы все равно верим в себя. Мы спускаемся в судовой трюм, в жар и пыль, мы вскидываем мешки на спины и вытаскиваем их на свет, видим, как наши друзья маются вместе с нами, делают ту же самую работу, ничего в этом особенного, и мы гордимся ими и собой – все мы товарищи и вместе трудимся на общую цель, но где-то в глубине души, которую мы прячем, мы шепчем себе: *И все же, и все же ты особенный, вот увидишь! Однажды, когда меньше всего ожидаешь, раздастся громкий свисток Альваро, и нас всех соберут на пристани, где будет ждать великая толпа и человек в черном костюме и цилиндре, и этот человек в черном костюме и цилиндре велит тебе сделать шаг вперед и скажет: Глядите на этого исключительного работника, коим мы все так довольны! – и пожмет тебе руку, и приколет медаль тебе на грудь – За Служение Превыше Долга – медаль все подтвердит, и все возликуют и захлопают в ладоши...* Это человеческая природа – такие мечты, пусть и мудрее держать их при себе. Как и все мы, сеньор Дага думал, что он особенный, но эту мысль при себе не оставил. Он хотел выделиться. Хотел, чтобы его признали.

Тут он умолкает. На лице у мальчика – ни намек на то, что он понял хоть слово. Сегодня у него день бестолковости, или он просто упрямится?

– Сеньор Дага захотел похвалы и медали, – говорит он. – Мы не дали ему медаль, о которой он мечтал, и он забрал вместо нее деньги. Он взял, что, как он считал, заслужил. Вот и все.

– Почему он не получил медаль? – говорит мальчик.

– Потому что, если бы мы все получали медали, они бы ничего не значили. Потому что медали нужно заслуживать. Как и деньги. Медаль не получишь только за то, что ее хочешь.

– Я бы дал сеньору Даге медаль.

– Ну, может, надо, чтобы ты был казначеем. Тогда мы все получим медали и столько денег, сколько хотим, и на следующей неделе в денежном ящике ничего не останется.

– В денежном ящике всегда есть деньги, – говорит мальчик. – Поэтому он и называется денежным ящиком.

Он вскидывает руки.

– Если собираешься говорить глупости, я не буду с тобой спорить.

Глава 7

Через несколько недель после того, как они явились в Центр, прибывает письмо из Новилльского *Ministerio de Reubicación*, уведомляющее его, что ему с семьей выделили квартиру в Восточной деревне, заселение осуществить не позднее полудня следующего понедельника.

Восточная деревня, известная в округе как Восточные кварталы, – жилой массив к востоку от парковой зоны, многоквартирные дома, разделенные обширными газонами. Они с мальчиком его уже изучили, равно как и район-близнец – Западную деревню. Корпуса в деревне устроены одинаково, все четырехэтажные. На каждом этаже – по шесть квартир, окнами на квадрат, в котором размещаются общественные удобства: детская площадка, бассейн-«лягушатник», велотренажер, натянуты веревки для белья. Восточная деревня считается лучше Западной, и они могут считать, что им повезло, раз их отправили сюда.

Переезд из Центра осуществлен легко, поскольку у них нет имущества, а друзей они не завели. Их соседи были с одной стороны – старик, ковыляющий в халате и разговаривающий сам с собой, а с другой – необщительная пара, делающая вид, что не понимает испанского, на котором он объясняется.

Новая квартира – на втором этаже, скромная по размерам и скромно меблированная: две кровати, стол, стулья, комод с выдвижными ящиками, стальные полки. В маленьком закутке – электроплитка на подставке и рукомойник с водопроводной водой. За ширмой – душ и туалет.

На первый ужин в Кварталах он готовит мальчику его любимую еду – блины с маслом и вареньем.

– Нам здесь понравится, правда? – говорит он. – Будет новая глава в нашей жизни.

Сообщив Альваро, что ему нездоровится, он с легким сердцем берет отгулы. Он зарабатывает их больше необходимого, тратить деньги здесь мало на что есть, и он не понимает, зачем ему изнурять себя без надобности. Кроме того, постоянно есть новоприбывшие, которые ищут случайную работу и могут заменить его в доках. И поэтому бывают такие утра, когда он просто валяется лениво в кровати, задремывает и просыпается, наслаждаясь солнечным теплом, что льется в окна их нового дома.

«Я препоясываю чресла, – говорит он себе. – Я препоясываю чресла перед следующей главой в этом предприятии». Под следующей главой он подразумевает поиск матери мальчика, поиск, который он все еще не понимает, с чего начать. «Я собираюсь с силами, строю планы».

Пока он расслабляется, мальчик играет на улице в песочнице или на качелях – или же бродит на бельевой площадке, напевает самому себе, завертывается в кокон сохнувшего белья, затем раскручивается и распутывается. Эта игра, похоже, совсем ему не прискучивает.

– Не уверен, что нашим соседям понравится, как ты висишь на их свежестыранном белье, – говорит он. – Почему оно тебя так тянет?

– Мне нравится, как оно пахнет.

В следующий раз пересекая двор, он тайком прижимается лицом к простыне и глубоко вдыхает. Запах чистый, теплый, уютный.

В тот же день, поглядев в окно, он видит, как мальчик лежит на газоне голова к голове с другим мальчиком, постарше. Вроде задушевно разговаривают.

– Я гляжу, у тебя новый друг, – замечает он за обедом. – Кто это?

– Фидель. Он умеет играть на скрипке. Он показал мне свою скрипку. Можно мне тоже скрипку?

– Он живет в Кварталах?

– Да. Можно мне тоже скрипку?

– Посмотрим. Скрипки стоят много денег, и тебе нужен будет учитель, ты же не можешь просто взять скрипку и заиграть на ней.

– Фиделя учит его мама. Она говорит, что и меня может научить.

– Хорошо, что ты завел нового друга, я за тебя рад. А уроки скрипки я, наверное, должен сначала обсудить с мамой Фиделя.

– Можно прямо сейчас пойти?

– Попозже пойдем, когда ты поспишь.

Квартира Фиделя – на дальней стороне двора. Не успевает он постучать, как дверь распахивается, и перед ним Фидель – коренастый, кудрявый, улыбчивый.

Квартира у них не больше и не такая солнечная, однако более уютная – может, из-за ярких штор с рисунком вишневых цветков и таких же покрывал.

Мать Фиделя выходит ему навстречу: угловатая, даже костлявая молодая женщина с выдающимися вперед зубами, волосы заправлены за уши. При первом взгляде на нее он смутно разочарован, хотя причин для этого никаких.

– Да, – подтверждает она, – я сказала вашему сыну, что он может заниматься музыкой вместе с Фиделито. А потом мы поглядим, есть ли в нем способности и желание развиваться дальше.

– Вы очень добры. Вообще-то Давид мне не сын. У меня нет сына.

– А где его родители?

– Его родители... Это сложный вопрос. Я объясню, когда у нас будет побольше времени. Об уроках: ему нужна своя скрипка?

– С начинающими я обычно занимаюсь на блок-флейте. Фидель, – она тянет сына к себе, тот нежно обнимает ее, – Фидель учился на блок-флейте целый год, а потом взялся за скрипку.

Он обращается к Давиду:

– Слышишь, мой мальчик? Сначала учишься играть на блок-флейте, а потом на скрипке. Согласен?

Мальчик кроит гримасу, бросает косой взгляд на нового друга, молчит.

– Это серьезное начинание – учиться на скрипача. Многого не добьешься, если душа не лежит. – Он поворачивается к матери Фиделя. – Можно спросить, сколько вы берете?

Она смотрит на него удивленно.

– Я не беру, – говорит она. – Я это делаю ради музыки.

Ее зовут Елена. Он предполагал другое. Он бы предположил имя Мануэла или даже Лурдес.

Он приглашает Фиделя и его мать прокатиться на автобусе до Нового леса – Альваро советовал этот маршрут («Когда-то была плантация, а теперь она вся заросла, вам там понравится»). С конечной остановки мальчики убегают по тропе, а они с Эленой не спеша идут следом.

– У вас много учеников? – спрашивает он.

– О, я не настоящий учитель музыки. Просто нескольким детям помогаю освоиться.

– На что вы живете, если не берете денег?

– Я шью. Делаю то-сё. Получаю небольшой грант от Ассистенции. Мне хватает. Есть вещи поважнее денег.

– Вы имеете в виду музыку?

– Музыку, да, а еще то, как человек живет. Как человеку жить.

Хороший ответ, серьезный ответ, философский ответ. Он на мгновение умолкает.

– Вы много общаетесь? – спрашивает он. – В смысле, – отваживается он, – у вас есть мужчина в жизни?

Она хмурится.

– У меня есть друзья. Некоторые – женщины, некоторые – мужчины. Я не делаю различий.

Тропинка сужается. Она идет впереди, он отстает, разглядывает, как колышутся ее бедра. Он предпочитает женщин поплотнее. И все же Элена ему нравится.

– А я от этого различия отказаться не могу, – говорит он. – Да и не хотел бы.

Она замедляет шаг, чтобы он смог ее догнать, смотрит на него прямо.

– Никто не должен отказываться от того, что для него важно, – говорит она.

Мальчики возвращаются, пытаясь после бега, пышут здоровьем.

– У нас есть попить? – спрашивает Фидель.

Разговор возобновляется лишь в автобусе по дороге домой.

– Не знаю, как у вас, – говорит он, – но у меня прошлое не умерло. Подробности размываются, но ощущение, какова была жизнь когда-то, все еще вполне живо. Взять, к примеру, мужчин и женщин: вы говорите, что уже превзошли такие мысли, но #то нет. Я все еще чувствую себя мужчиной, а вас – женщиной.

– Согласна. Мужчины и женщины различаются. У них разные роли.

Мальчишки на сиденье впереди шепчутся и хихикают. Он берет руку Элены в свою. Она не вырывает ее. И все же непостижимым языком тела ее рука дает ответ. Она умирает в его ладони, как рыба, вынутая из воды.

– Можно я спрошу? – говорит он. – Вы уже ничего не чувствуете к мужчинам?

– Я не чувствую, – отвечает она медленно и осторожно. – Напротив, я чувствую благую волю, большую благую волю. И к вам, и к вашему сыну. Тепло и благую волю.

– Под благой волей вы имеете в виду, что желаете нам блага? Я пытаюсь понять. Вы к нам благоволите?

– Да, точно.

– Должен сказать, что благую волю мы встречаем здесь постоянно. Все желают нам блага, все готовы быть к нам добры. Мы прямо-таки в облаках благой воли. Но все это несколько абстрактно. Можно ли утолить наши нужды одной лишь благой волей? Не в природе ли нашей желать чего-то более осязаемого?

Элена неторопливо отнимает руку.

– Вы, может, и хотите чего-то большего, чем благая воля, но лучше ли благой воли то, чего вы хотите? Вот каким вопросом стоит задаться. – Она умолкает. – Вы все время говорите о Давиде «мальчик». Почему не по имени?

– Имя Давид ему дали в лагере. Ему не нравится, он говорит, что это не настоящее его имя. Я стараюсь без необходимости его так не называть.

– Сменить имя довольно просто, между прочим. Идете в регистрационную контору и заполняете бланк на смену имени. И все. Никаких вопросов. – Она склоняется вперед. – О чем это вы тут шепчетесь? – спрашивает она у мальчиков.

Ее сын улыбается в ответ, прижимает палец к губам, дает понять, что дела у них тайные.

Автобус высаживает их рядом с Кварталами.

– Я бы пригласила вас на чашку чая, – говорит Элена, – но, к сожалению, Фиделито пора купать и кормить ужином.

– Понимаю, – говорит он. – До свиданья, Фидель. Спасибо за прогулку. Хорошо получилось.

– Вы с Фиделем, кажется, ладите, – отмечает он, когда они остаются одни.

– Он мой лучший друг.

– То есть у Фиделя к тебе благая воля, да?

– Много благой воли.

– А ты? Ты тоже чувствуешь благую волю?

Мальчик энергично кивает.

– А что-нибудь еще?

Мальчик смотрит на него растерянно.

– Нет.

Вот тебе пожалуйста – устами младенца. Из благой воли происходят дружба и счастье, происходят приятельские пикники в парковых зонах и приятельские вечерние прогулки в лесу. А из любви – или, по крайней мере, из желания более ярких проявлений ее – происходит томление, сомнение и боль душевная. Проще некуда.

И чего он, вообще-то, хочет от Элены – женщины, с которой он едва знаком, матери нового друга ребенка? Он надеется ее соблазнить, потому что не целиком утрачены еще воспоминания о том, что соблазнение – нечто, чем занимаются мужчины и женщины? Настаивает ли он на главенстве личного (желания, любви) над вселенским (благой волей, благоволением)? И почему он постоянно задает себе вопросы, а не просто живет, как все остальные? Все это – часть сильно запоздалого перехода от старого и удобного (личного) к новому и тревожному (вселенскому)? Может, этот допрос самого себя – лишь стадия роста у каждого новоприбывшего, стадия, которую люди вроде Альваро, Аны и Элены успешно преодолели? Если так, скоро ли он переродится новым, совершенным человеком?

Глава 8

– Вы давеча говорили мне, что благая воля – универсальный бальзам на наши раны, – говорит он Элене. – Но вы разве не скучаете по простому старому физическому прикосновению?

Они в парковой зоне, рядом с полем, на котором идет с десяток футбольных матчей, без всякого порядка. Фиделя и Давида пустили в одну такую игру, хотя они слишком маленькие для нее. Они прилежно носятся с другими игроками, но мяч им никогда не пасуют.

– Любой растящий ребенка не испытывает недостатка в физическом прикосновении, – отвечает Элена.

– Под физическим прикосновением я понимаю другое. Я имею в виду любить и быть любимым. Я имею в виду спать с кем-нибудь по ночам. Не скучаете по такому?

– Скучаю ли? Я не из тех, кто страдает воспоминаниями, Симон. То, о чем вы говорите, кажется очень далеким. А если под сном с кем-то вы подразумеваете секс – еще и странным. Странно о таком беспокоиться.

– Но ведь ничто не делает людей ближе, чем секс. Секс мог бы сделать вас и меня ближе. К примеру.

Элена отворачивается.

– Фиделито! – кричит она и машет. – Иди сюда! Нам пора!

Ему кажется, или щеки у нее вспыхнули?

Что правда, то правда: Элена привлекает его лишь едва. Ему не нравится ее костлявость, ее тяжелая нижняя челюсть и торчащие зубы. Но он мужчина, она – женщина, а дружба детей все равно их связывает. И вот, хоть вежливые отставки следуют одна за другой, он продолжает позволять себе некоторые вольности, вольности, которые, кажется, скорее забавляют ее, нежели злят. Хочешь не хочешь, он постепенно соскальзывает в грезы о том, что какой-нибудь зигзаг удачи приведет Элену в его объятия.

Зигзаг удачи принимает вид отключения электричества. Электричество по городу отключают нередко. Обычно о нем объявляют за сутки и устраивают либо в четных, либо в нечетных квартирах. В Кварталах они случаются в целом здании, по расписанию.

В этот вечер, о котором идет речь, объявления не было, но в дверь стучит Фидель и спрашивает, можно ли ему поделаться домашнее задание у них, поскольку в их квартире нет света.

– Вы уже поели? – спрашивает он у мальчика.

Фидель качает головой.

– Давай-ка сбегай к себе, – говорит он. – Скажи своей маме, что я вас приглашаю на ужин.

Ужин, который он им предлагает, – всего лишь хлеб и суп (перловка с тыквой, сваренная с банкой фасоли, – ему еще предстоит найти лавку, торгующую специями), но получается хорошо. Домашнее задание Фиделя вскоре готово. Мальчики усаживаются с иллюстрированными книжками, но тут вдруг, словно срубленный под корень, Фидель засыпает.

– У него так с младенчества, – говорит Элена. – Ничто его не разбудит. Отнесу его домой и уложу. Спасибо вам за ужин.

– Не ходите вы в ту темную квартиру. Оставайтесь на ночь. Фидель может поспать с Давидом. Я на стуле. Я привык.

Это вранье – он не привык спать на стуле и сомневается, что человек способен заснуть на их кухонных стульях с прямой спинкой. Но он не дает Элене возможности отказаться.

– Где ванная, вы знаете. Вот вам полотенце.

Когда он сам отправляется в ванную, она уже лежит в постели, а мальчики спят рядышком. Он заворачивается в лишнее одеяло и выключает свет.

Некоторое время царит тишина. Затем она заговаривает во тьме:

– Если вам неудобно – а я уверена, что так и есть, – я могу подвинуться.

Он ложится к ней в постель. Тихонько, скрытно занимаются они сексом, не забывая, что дети спят на расстоянии вытянутой руки.

Все не то, на что он надеялся. Она не вкладывается в это душой, он это сразу чувствует, а его резерв накопленного желания, как выясняется, – иллюзия.

– Понимаешь, что я имела в виду? – шепчет она, когда все кончено. Она проводит пальцем ему по губам. – Это нас не двигает вперед, правда?

Права ли она? Стоит ли ему принять этот опыт близко к сердцу и попрощаться с сексом, как, похоже, сделала Елена? Быть может. И все-таки даже просто обнимать женщину, пусть она и не ослепительная красавица, – волнующе.

– Не соглашусь, – бормочет он в ответ. – Вообще-то, я считаю, что заблуждаешься. – Он умолкает. – Ты когда-нибудь спрашивала себя, не слишком ли высока цена, которую мы платим за эту новую жизнь, – забвение?

Она не отвечает, но поправляет белье на себе и отворачивается от него.

Хоть они и не живут вместе, после той общей ночи ему нравится думать о себе и Элене как о паре – или как о без пяти минут паре, а значит, их сыновья – братья. Или сводные братья. Они все больше привыкают ужинать вчетвером, на выходных ходят по магазинам или на пикники, или делают вылазки за город. И хотя они с Эленой больше не ночуют вместе, она время от времени, когда мальчиков нет рядом, позволяет ему заниматься с ней любовью. Он начинает привыкать к ее телу, к торчащим бедренным костям и маленьким грудям. Ясно, что у нее к нему почти нет сексуального чувства, но ему нравится думать, что их занятия любовью – терпеливая протяженная реанимация, возвращение к жизни женского тела, которое, считай, умерло – неведомо почему.

Приглашая его заняться любовью, она нисколько не кокетничает.

– Если хочешь, можем сейчас, – обычно говорит она, закрывает дверь и раздевается.

Такая обыденность когда-то, быть может, его и оттолкнула бы, как унизила бы ее безответность. Но он решает, что не будет чувствовать ни отвержения, ни унижения. Он примет все, что она ему предлагает, со всей возможной готовностью и благодарностью.

Обычно она обозначает занятия любовью «делать это», но иногда, когда хочет подразнить его, употребляет слово *descongelar* – «оттаять»:

– Если хочешь, можем попробовать еще раз меня оттаять.

Это слово выскочило из него в некий миг бесшабашности.

– Дай я тебя оттаю!

Представление о том, что ее можно оттаять обратно к жизни, ей и тогда показалось, и кажется теперь беспрельдно забавным.

Между ними растет если не близость, то дружба, которая кажется ему довольно крепкой, вполне надежной. Возникла бы между ними дружба в любом случае – на том основании, что дружат их дети, и они по многу часов проводят вместе, – или же «занятие этим» подействовало хоть как-то, сказать трудно.

Вот так, спрашивает он себя, здесь, в этом новом мире возникают семьи – на дружбе, а не на любви? Ему такие отношения неведомы – дружба с женщиной. Но он видит их преимущества. Он даже, хоть и осторожно, таким отношениям радуется.

– Расскажи мне об отце Фиделя, – просит он Элену.

– Я мало что о нем помню.

– Но отец же точно был.

– Конечно.

– Он не был похож на меня?

– Не знаю. Не могу сказать.

– Ты, чисто гипотетически, могла бы рассматривать такого, как я, в мужьях?

– Такого, как ты? Как ты в каком отношении?

– Ты бы вышла замуж за кого-то вроде меня?

– Если ты так спрашиваешь, выйду ли я за тебя замуж, тогда ответ – да, вышла бы. Это на пользу и Фиделю, и Давиду. Когда ты хочешь это сделать? Регистрационная контора работает только по будням. Можешь отпроситься с работы?

– Уверен, что могу. Наш бригадир – очень участливый человек.

После этого странного предложения и его странного принятия (в связи с которым он ничего не предпринимает) в Элене он начинает чувствовать некую настороженность, между ними – новое напряжение. Но все равно не жалеет, что спросил. Он нащупывает путь. Создает новую жизнь.

– Как бы ты отнеслась к тому, что я встречаюсь с другой женщиной?

– Под «встречаюсь» ты имеешь в виду секс?

– Может быть.

– И кого ты имеешь в виду?

– Никого в особенности. Просто изучаю возможности.

– Изучаешь? Разве не пришло тебе время остепениться? Ты уже не молод.

Он молчит.

– Ты спросил, как бы я отнеслась. Тебе краткий ответ или полный?

– Полный. Полнейший.

– Хорошо. Наша дружба мальчикам на пользу, с этим мы оба согласны. Они сблизилась. Они воспринимают нас как хранителей – даже как единого хранителя. Для них было бы не здорово, если б наша дружба закончилась. И я не вижу причин, почему это должно случиться, если ты всего лишь встречаешься с некой гипотетической другой женщиной... Однако подозреваю, что с этой женщиной ты захочешь поставить тот же эксперимент, какой ставишь на мне, и в ходе этого эксперимента потеряешь связь со мной и Фиделем... Следовательно, я собираюсь облечь в слова то, что, я надеялась, ты поймешь сам. Ты хочешь встречаться с той другой женщиной, потому что я не обеспечиваю того, что тебе нужно, а именно: бурю страсти. Одной дружбы тебе недостаточно. Без сопровождающей бури страсти она какая-то ущербная... На мой слух, это старый способ мышления. В старом способе мышления не важно, сколько у тебя есть, чего-то такого все время не хватает. Название, которое ты предпочитаешь дать этому *чему-то такому*, – страсть. Но тем не менее я готова поспорить, что если завтра тебе предложат всю страсть, какую ты хочешь, – ведро страсти, – ты скоро обнаружишь, что не хватает чего-то такого еще. Эта бесконечная неудовлетворенность, это стремление к чему-то такому, чего не хватает, – способ мышления, от которого мы избавлены, по моему мнению. *Ничего такого*. Ничто, которого не хватает, – иллюзия. Ты живешь иллюзией... Вот. Ты просил полного ответа, и я его тебе дала. Хватит? Или ты еще чего-то хочешь?

Стоит теплый день, это день полного ответа. Негромко играет радио, они лежат на кровати у нее в квартире, полностью одетые.

– С моей стороны... – начинает он, однако Элена прерывает его: – Тихо, – говорит она, – хватит разговоров – по крайней мере, на сегодня.

– Почему?

– Потому что дальше мы начнем пререкаться, а я этого не хочу.

И вот они лежат рядом молча, слушают, как курлычут чайки, кружа над двором, как, играя, смеются мальчишки, поет радио, непрекращающаяся уравновешенная мелодичность которого когда-то его успокаивала, а сегодня просто раздражает.

Он хочет сказать, *со своей стороны*, что жизнь здесь, на его вкус, слишком спокойна, слишком лишена взлетов и падений, драмы и напряжения, – слишком похожа, вообще-то, на музыку из радиоприемника. *Anodina* – так это, кажется, будет по-испански?

Он вспоминает, как спросил однажды у Альваро, почему по радио не бывает новостей. «Новостей о чем?» – уточнил Альваро. «О том, что происходит в мире», – ответил он. «Ой, – сказал Альваро, – а что-то происходит?» Как и прежде, он заподозрил иронию. Но нет, нисколько.

Альваро не применяет иронию. Элена тоже. Элена – интеллигентная женщина, но она не видит в мире двойственности, никакой разницы между тем, чем вещи кажутся, и тем, что они есть. Интеллигентная и к тому же милая женщина, которая из скуднейших материалов – шитья, уроков музыки, домашних дел – собрала себе новую жизнь, жизнь, в которой, как она утверждает, – справедливо ли? – всего хватает. То же и с Альваро и грузчиками: у них нет тайных желаний, которые он мог бы уловить, нет нужды в другой жизни. Он один – исключение, неудовлетворенный, белая ворона. Что с ним не так? Это, как говорит Элена, просто старый способ мышления и чувствования, что еще не отмер в нем, но уже корчится в последних судорогах?

Всему здесь не хватает положенного веса – вот что он хотел бы в конце концов сказать Элене. Музыка, которую мы слышим, не хватает веса. Нашим занятиям любовью не хватает веса. Нашей пище, нашей унылой диете из хлеба, не хватает вещественности – не хватает вещественности животной плоти, со всей тяжестью кровопролития и жертвы, стоящей за ней. Самым словам нашим не хватает веса, эти испанские слова – они не от души.

Музыка подходит к изящному завершению. Он встает.

– Мне пора, – говорит он. – Помнишь, как ты недавно сказала мне, что не страдаешь воспоминаниями.

– Да?

– Да, сказала. Когда мы смотрели футбол в парке. Так вот, я – не как ты. Я страдаю воспоминаниями – или их тенями. Я знаю, мы все должны быть очищены, попав сюда, это правда, и у меня самого репертуар небогат. Но тени все равно не уходят. От этого я и страдаю. Только слово «страдать» я не применяю. Я держусь за них – за эти тени.

– Это хорошо, – говорит Элена. – Всякие люди бывают.

Фидель и Давид вбегают в комнату, они раскраснелись и пышут жизнью.

– У нас есть печенье? – спрашивает Фидель.

– В банке на буфете, – говорит Элена.

Мальчики исчезают в кухне.

– Вам хорошо? – кричит Элена.

– Угу, – говорит Фидель.

– Это хорошо, – говорит Элена.

Глава 9

– Как продвигаются занятия музыкой? – спрашивает он у мальчика. – Тебе нравится?

– Угу. Знаешь, что? Когда Фидель вырастет, он собирается купить себе малюсенькую скрипочку, – показывает, какую: всего-навсего две ширины ладони, – и клоунский костюм, и будет играть на скрипке в цирке. Можно мы пойдем в цирк?

– Когда цирк приедет в город, пойдем – все вместе. Можем позвать Альваро и, может, Эухенио.

Мальчик надувает губы.

– Не хочу, чтоб Эухенио с нами шел. Он про меня говорит нехорошо.

– Он сказал всего лишь, что в тебе дьявол, а это просто так говорится. Он имел в виду, что в тебе есть искра, которая помогает тебе в шахматах. Бесенок.

– Мне он не нравится.

– Ладно, Эухенио не позволю. А чему ты учишься на уроках музыки, кроме гамм?

– Пению. Хочешь, спою?

– Конечно. Я не знал, что Елена учит пению. Одни сюрпризы с ней.

Они едут в автобусе в пригород. Хотя рядом еще несколько пассажиров, мальчик не стесняется петь. Чистым детским голосом он выводит:

*Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?
Es ist der Vater mit seinem Kind;
Er hat den Knaben wohl in dem Arm,
Er faßt ihn sicher, er hält ihn warm¹.*

– Все. Это по-английски. Можно я выучу английский? Не хочу больше говорить на испанском. Терпеть не могу испанский.

– Ты очень хорошо говоришь по-испански. И поешь красиво. Может, станешь певцом, когда вырастешь.

– Нет. Я буду фокусником в цирке. Что означает «*wer reitet so*»?

– Не знаю. Я ж не говорю по-английски.

– Можно мне в школу?

– Придется тебе немного подождать – до следующего дня рождения. Тогда пойдешь в школу вместе с Фиделем.

Они сходят на остановке с вывеской «*Terminal*», откуда автобус едет обратно. На карте, которую он взял на автобусной станции, показаны маршруты и дороги в холмы; он собирается идти по выходящей тропинке, ведущей к озеру, рядом с которым на карте поставлена звездочка, означающая живописный вид.

Они сходят с автобуса последними, и по тропе, кроме них, никто не гуляет. Места вокруг пустынные. Хотя с виду земля здесь плодородна и обильно зеленеет, нигде нет и следа человеческого жилья.

– Как здесь мирно, за городом! – говорит он мальчику, хотя, по правде сказать, эта пустота кажется ему скорее заброшенной, нежели мирной. Лучше б здесь были животные – коровы, овцы или свиньи, занятые своими делами, – он мог показать их мальчику. Да хоть бы кролики.

¹ Кто скачет, кто мчится под хладною мглой? Ездок запоздалый, с ним сын молодой. К отцу, весь издрогнув, малютка приник; Обняв, его держит и греет старик. (Пер. с нем. В. А. Жуковского.) – *Здесь и далее прим. переводчика.*

Время от времени они видят летящих птиц, но так далеко и высоко в небе, что не различить, что это за птицы.

– Я устал, – объявляет мальчик.

Он всматривается в карту. Они на полпути к озеру, прикидывает он.

– Я тебя понесу немного, – говорит он, – пока к тебе не вернутся силы. – Он закидывает мальчика на плечи. – Пой, как только увидишь озеро. Оттуда поступает вода, которую мы пьем. Пой, когда увидишь. Вообще-то давай пой, если увидишь любую воду. Или местных жителей.

Они идут дальше. Но либо он неверно понял карту, либо сама карта с ошибкой: после того как тропа резко забирает в гору, а потом так же круто спускается, она внезапно заканчивается у кирпичной стены и ржавых ворот, затянутых плющом. Рядом с воротами – побитая погодой табличка, нарисованная краской. Он раздвигает плющ.

– «*La Residencia*», – читает он.

– Что такое резиденция? – спрашивает мальчик.

– Резиденция – это дом, большой дом. Но вот эта резиденция может оказаться просто развалиной.

– Можно посмотреть?

Они дергают ворота, но те не поддаются. Только они собираются уходить, как ветерок едва доносит до них смех. Они идут на звук, проламываясь сквозь густой подлесок, и добиваются до места, где кирпичная стена сменяется высоким забором из провололочной сетки. По ту сторону забора – теннисный корт, а на корте – трое игроков: двое мужчин и женщина. Они одеты в белое, на мужчинах – рубашки и брюки, на женщине – длинная юбка, блузка с поднятым воротом и кепка с зеленым козырьком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.